
Глава 11

СТАЛИН И ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ ОБЩЕСТВА

1. Исходные принципы

Тема, обозначенная в главе, естественно, вызовет у читателя мысль том, что автор поставил своей целью осветить позицию и действия Сталина в области главных сфер духовной жизни народа – в сфере литературы, театра, кино, музыкального искусства и других областей жизни народа, которые можно отнести к духовной жизни. Хочу заранее не то что разочаровать, а просто предупредить читателя, что столь глобальной, поистине всеобъемлющей задачи автор неставил, да и, будучи в здравом уме, не ставит. Во-первых, проблематика настолько обширна, что для ее раскрытия или хотя бы более или менее сносного освещения понадобился бы солидный том, а не отдельная глава. Во-вторых, для полноценного раскрытия темы нужно быть достаточно компетентным в этих вопросах. А в них, признаюсь честно, я недостаточно силен. К тому же, объем третьего тома явно ограничивает место и пространство, которое можно посвятить освещению обозначенной темы.

Поэтому я пошел по пути, если не наименьшего сопротивления, то, по меньшей мере, отказался от чрезмерно завышенных амбиций в стремлении осветить и эту сторону политической и государственной деятельности Сталина. Полностью оставить вне поля внимания данную проблематику – значит оставить без ответа многие важные вопросы, а без их хотя бы самого общего и самого лаконичного освещения в политической биографии вождя зияла бы огромная дыра. Наиболее приемлемым и логичным мне представился такой вариант: в суммированном виде осветить некоторые интересные и важные эпизоды из отношения Сталина к поднятой проблематике, а главное внимание уделить послевоенным политико-идеологическим кампаниям. События и факты, относящиеся к довоенному и военному периоду, используются лишь в тех случаях, когда они помогают осветить отдельные существенно важные моменты. В целом же они служат своего рода иллюстрациями некоторых аспектов сталинской политики в духовной сфере. Поэтому эпицентр внимания сосредоточен на послевоенном периоде и кампаниях этого периода. Именно эти кампании – особенно борьба против космополитизма, третирование ряда видных представителей советских писателей, огульная и необоснованная критика виднейших деятелей музыкального искусства, тетра и кино, проблема так называемого государственного антисемитизма – явились своего рода апогеем сталинской политики в духовной сфере. Они до сих пор находятся в поле пристального внимания общественности, и совершенно обойти эти вопросы было бы неправильно. Помимо всего прочего, в отечественной историографии, посвященной Сталину, опубликовано несколько работ, раскрывающих проблемы – Сталин и искусство, – что позволяет мне отослать читателя к уже имеющейся по этой тематике литературе.

Многогранность темы, а также известная ограниченность целей, которые поставлены автором, естественно, не могли не наложить своего отпечатка на дан-

ную главу. Она может показаться слишком клочковатой, поверхностной и слабо аргументированной. Заранее соглашайся с такого рода критическим мнением, и все- таки постараюсь хотя бы в таком виде осветить столь сложную и столь важную проблему.

Прежде всего следует, пожалуй, ответить на пару принципиально важных вопросов. Первый вопрос: как Сталин относился к сфере культуры, искусства, литературы и другим областям духовной жизни? Не будет ни упрощением, ни примитивизацией утверждение о том, что на эту сферу общественной жизни он смотрел прежде всего и главным образом через призму политики. Именно критерии политического характера были фундаментом, на котором базировались его воззрения в области литературы и искусства, кино и театра, музыки и т.д. Ясно, что столь ограниченный и однобокий подход уже сам по себе носил ущербный характер и не позволял давать глубоко объективную и соответствующую реалиям оценку тем или иным произведениям. Хотя, конечно, все эти сферы общественной жизни нельзя отрывать и полностью абстрагировать от политики и политических процессов, протекавших в стране, однако не менее ошибочно было рассматривать исключительно через политические очки. А именно это и было при суще вождю.

Во-вторых, взгляды Сталина по этим вопросам нельзя брать в качестве своего рода статического состояния: они находились в развитии, порой претерпевая существенные изменения и метаморфозы. Впрочем, эти изменения также не выходили из русла, берега которого определялись политическими интересами. Причем, надо добавить, интересами не только политического курса, но и интересами укрепления личной власти Сталина. Ведь отнюдь не случайно вождь не только не пресекал непомерные, порой выходящие за рамки разумного и нормального, восхваления своей личности, но и фактически их поощрял. Полагаю, что кульп своей собственной личности он позволял раздувать до невиданных размеров не только из чувства тщеславия. В этом он видел – и не без оснований – одну из краеугольных основ своей власти как политического и государственного лидера.

Если говорить обобщенно, то эволюция сталинских взглядов носила довольно странный характер: порой он проявлял изрядное чувство реализма и весьма здравый подход, уходя от упрощений и рассматривая вещи в их реальной самоценности. Это не могло не сказываться положительно в частных случаях, идет ли речь об оценках отдельных произведений или о конкретных людях. Но в целом направление его эволюции носило отчетливо выраженный консервативный характер: его взгляды после войны с каждым годом становились все более жесткими и однобокими. Нюансы для него как бы не существовали. Хотя порой он и демонстрировал как наличие вкуса, так и чувство снисходительного юмора, когда решалась судьба того или иного произведения.

В качестве хорошей иллюстрации того, что Сталин, особенно в начале своего пути как вождя, проявлял трезвый и здравый подход к оценке того или иного произведения, порой вызывавшего резкую критику со стороны ортодоксальных большевиков, приведу пример с защитой им пьесы Булгакова "Дни Турбиных". Выступая в феврале 1929 года на встрече с украинскими литераторами, Сталин проявил себя как мыслящий по-современному политик и как объективный ценитель произведений литературы. Тем более важно было в тех условиях, когда сплошь и рядом свирепствовал так называемый пролетарский подход, взять под защиту такого одаренного писателя, как М.А. Булгаков. Хотя пассаж из речи вождя довольно обширный, но он заслуживает того, чтобы не пожалеть для него места.

Сталин тогда говорил: "Когда говорят — форма ничего не значит — это пустяки. От формы страшно многое зависит, без нее никакого содержания не бывает. Форма — национальная, содержание — социалистическое. Это не значит, что каждый литератор должен стать социалистом, марксистом и проч. Это не необходимо. Это значит, что в литературе, поскольку речь идет о литературе, должны появиться новые герои. Раньше обычно героев иных выдвигали, теперь должны появиться герои из народа, из крестьян, из буржуазии — в том освещении, которого они заслуживают..."

Или взять, например, этого самого всем известного Булгакова. Если взять его «Дни Турбиных», чужой он человек, безусловно. Едва ли он советского образа мысли. Однако своими «Турбинами» он принес все-таки большую пользу, безусловно.

КАГАНОВИЧ: Украинцы не согласны (шум, разговоры).

СТАЛИН: А я вам скажу, я с точки зрения зрителя сужу. Возьмите «Дни Турбиных», — общий осадок впечатления у зрителя остается какой? Несмотря на отрицательные стороны, — в чем они состоят, тоже скажу, — общий осадок впечатления остается такой, когда зритель уходит из театра, — это впечатление несокрушимой силы большевиков. Даже такие люди крепкие, стойкие, по-своему честные в кавычках, как Турбин и его окружающие, даже такие люди, безукоризненные по-своему и честные по-своему в кавычках, должны были признать в конце концов, что ничего с этими большевиками не поделаешь. Я думаю, что автор, конечно, этого не хотел, в этом он неповинен, дело не в этом, конечно. «Дни Турбиных» — это величайшая демонстрация в пользу всесокрушающей силы большевизма.

ГОЛОС: И сменовеховства.

СТАЛИН: Извините. Я не могу требовать от литератора, чтобы он обязательно был коммунистом и обязательно проводил партийную точку зрения. Для беллетристической литературы нужны другие меры — не революционная и революционная, советская — не советская, пролетарская — не пролетарская. Но требовать, чтобы и литература была коммунистической — нельзя. Говорят часто: правая пьеса или левая, там изображена правая опасность. Например, «Турбины» составляют правую опасность в литературе. Или, например, «Бег», его запретили, — это правая опасность. Это неправильно, товарищи. Правая и левая опасность — это чисто партийное. Правая опасность — это, значит, люди несколько отходят от линии партии, правая опасность внутри партии. Левая опасность — это отход от линии партии влево. **Разве литература партийная? Это же не партийная, конечно, это гораздо шире литература, чем партия, и там мерки должны быть другие, более общие.** (Выделено мной — Н.К.). Там можно говорить о пролетарском характере литературы, об антипролетарском, о рабоче-крестьянском характере, об антирабоче-крестьянском характере, о революционном, не революционном, о советском, антисоветском. Требовать, чтобы беллетристическая литература и автор проводили партийную точку зрения, — тогда всех беспартийных надо изгонять. Правда это или нет?"¹

Я специально выделил жирным шрифтом слова Сталина о партийности, поскольку в данном случае он фактически пересматривает известную ленинскую формулу о партийности литературы. Иными словами, он гораздо более тонко и реалистично оценивает роль литературы в общественной жизни, в том числе и в

¹ Власть и художественная интеллигенция. Документы 1917—1953. М. 1999. С. 104—105.

условиях советской власти. Подобного рода эволюция как раз говорит в пользу Сталина, в пользу того, что он не стоял, как фанатик, на точке зрения, высказанной ранее его учителем, в верности заветам которого Stalin многократно клялся.

И чтобы больше не возвращаться к теме Stalin и Bulgakov, приведу ставший хрестоматийным эпизод из отношений между вождем и писателем.

Российский автор И. Золотусский в эссе "Булгаков и Stalin" писал:

"18 апреля 1930 года в квартире Bulgakova раздаётся звонок. Звонят из секретариата Сталина. Трубку берёт сам вождь. И тут же прицельно бьёт по совести: "Вы хотите уехать?" Затем извиняющеся-лицемерно спрашивает: "Что, мы вам очень надоели?"

Bulgakov отвечает (и это его убеждение), что русский писатель должен жить в России.

Bulgakov говорит, что он хотел бы работать в Художественном театре, но его не берут. "А вы подайте заявление туда, — отвечает Stalin. — Мне кажется, что они согласятся".

И — финал диалога по телефону. Stalin: "Нам бы нужно встретиться, поговорить с вами". Bulgakov: "Да, да! Иосиф Виссарионович, мне очень нужно с вами поговорить". Stalin: "Да, нужно найти время и встретиться, обязательно".

Диктатор забрасывает Bulgakovу мысль, что с ним, диктатором, можно вести цивилизованный диалог, что он, наконец, в состоянии понять творца.

Ложная мысль. Ложное внушение. Но Bulgakov до конца своих дней будет искать встречи со Stalinом. Это станет наваждением его жизни.

Stalin, по существу, устраивает его на работу во МХАТ. Bulgakov — ассистент режиссёра, его не печатают, но он пишет — в том числе роман о дьяволе. И при этом постоянно возвращается к разговору со Stalinом, в котором, как ему кажется, он не сказал того, что нужно было сказать. Но Stalin больше не звонит...²

Эпизоды с Bulgakovым приведены в качестве своего рода вещественного доказательства того, что Stalin даже тогда, когда писатель не стоял на партийных позициях, мог проявить здравомыслие и оказать ему необходимую помощь. Но все это скорее относится, так сказать, к ранней карьере вождя, выступавшего одновременно в трех ипостасях — читателя, критика и верховного цензора.

И третий вопрос: насколько сам Stalin был эрудирован и, как говорится, подкован в области литературы и искусства, чтобы брать на себя право выносить окончательные суждения? Миф о Stalinе как семинаристе-недоучке, который и понятия о литературе и искусстве, музыке и театре, собственно, не имел, — это, мягко выражаясь, глубокое заблуждение. Как свидетельствует один из наиболее компетентных (хотя и антисталински настроенных) биографов вождя Р. Медведев, тщательно изучивший библиотеку вождя, личная библиотека Stalin'a включала больше 20 тысяч книг, брошюр и альбомов. В библиотеке имелись энциклопедии и справочники всех видов, а также несколько тысяч книг художественной литературы, как собрания сочинений, так и отдельные издания. Stalin получал и просматривал все главные общественно-литературные журналы своего времени.

На книгах из библиотеки Stalin не делал пометок и записей, а выписки из них для Stalin'a делались, по-видимому, в его секретариате. Во всяком случае, в бумагах Stalin'a до сих пор не было обнаружено таких же подробных конспектов

² И. Золотусский. Булгаков и Stalin. (Электронная версия).

прочитанных книг... Надписи и пометки Сталина из коллекции, которая находится и сегодня в бывшей библиотеке ИМЛ, можно увидеть на страницах 391 книги. Считают, что книг с пометками Сталина было гораздо больше, но многие десятки таких книг «исчезли». На книгах, которые хранились в личной библиотеке Сталина, он при чтении делал множество подчеркиваний и закладок.³

Библиотека Сталина – это, конечно, аргумент в пользу того, что он был человеком начитанным, постоянно интересующимся литературой и искусством. Причем, эта была библиотека не для показухи и не для престижа, а для дела. Из многочисленных высказываний Сталина можно сделать совершенно неоспоримый вывод, что он постоянно следил за литературой и был достаточно образованным человеком своего времени. За ним, правда, тянулась гнилая слава недодувшегося семинариста. Но знакомство с его произведениями и высказываниями по самым различным вопросам начисто дезавуируют этот тезис. По интеллектуальному уровню и начитанности он мог дать много очков вперед тем, кто кичился своим образованием, в том числе и полученным за границей. Приведу слова К. Симонова: «Скажу в скобках, что по всем вопросам литературы, даже самым незначительным, Сталин проявлял совершенно потрясшую меня осведомленность»⁴.

Мне кажется, что более или менее справедливую и достаточно взвешенную оценку того, как Stalin разбирался в вопросах культуры и искусства, дал в своей книге, специально посвященной данному аспекту деятельности Сталина, российский автор Е. Громов. Его логику рассуждений трудно не признать убедительной.

«Если Stalin был полным нулем в эстетических вопросах, то, выходит, нечего и серьезно разбираться в его художественных взглядах и вкусах, нет предмета для научного исследования, – метко замечает автор. – Отчасти поэтому у нас и нет основательных работ о сталинской культурной политике и отношении его к творческой интеллигенции. Думаю, что Stalin не являлся ни великим теоретиком искусства, ни эталоном высокого вкуса, но и примитивным его восприятие художественных ценностей назвать нельзя. Только не надо мерить генсека теми критериями, к которым мы обращаемся, когда судим о профессиональных литературоведах, искусствоведах, эстетиках. У Сталина была другая профессия – политика, хотя сам себя он считал больше, чем политиком, – авторитетом во всех видах человеческой деятельности. Объективно же говоря, он был профессиональным политиком, который в общем, для политика, неплохо разбирался в искусстве и нередко умело, эффективно использовал его в своих интересах. Stalin наложил неизгладимый отпечаток на всю советскую художественную культуру, и сей вывод надо признать, независимо от того, нравится нам это или не нравится. Здесь возникает диалектическая связка: чтобы понять сталинскую политику в сфере культуры, его художественные взгляды и вкусы, необходимо изучать эстетический опыт той эпохи; в то же время вне изучения самого Сталина данный опыт не может быть понят и рассмотрен в единстве всех составляющих его сторон»⁵.

К сожалению, в современной российской сталиниане поднятая Е. Громовым проблема не то что не рассматривается, а рассматривается, как правило, крайне

³ «Вестник РАН». № 3. 2001 г. С.264–267.

⁴ Константин Симонов. Глазами человека моего поколения. (Размышления о И.В.Сталине). «Знамя». 1988 г. № 4. С. 60.

⁵ Евгений Громов. Stalin, власть, искусство. М. 1998. С. 5–6.

тенденциозно и не менее примитивно, и в таком кривом зеркале наивно надеяться увидеть отражение подлинной картины того, что было в действительности.

Сталин наложил отпечаток своей личности на все стороны жизни нашего общества, в том числе и на духовную сферу. Этой сфере он придавал первостепенное значение. Совсем не случайно он является, если не формальным, то истинным духовным отцом знаменитой теории социалистического реализма. Эта теория (если её позволительно так именовать) являла собой некий свод истин и правил, принципов и нормативных указаний, в который можно было втиснуть, кажется, все что угодно. Настолько она была неопределенна в обычном, человеческом понимании слова, и настолько она была строго определена, коль речь шла о ее применении к тем или иным произведениям литературы, искусства и т.д. Она была специально столь расплывчата, чтобы ею можно было орудовать как своеобразной дубинкой.

Особенно много места дискуссия об этой теории заняла на первом (и единственном при жизни Сталина) съезде советских писателей в 1934 году. Одну ее особенность метко подметил И. Эренбург, который в своем выступлении (разумеется, не называя метод социалистического реализма по имени), сказал: “Нельзя, как у нас говорят, поднимать на щит писателя, чтобы тотчас же сбрасывать его вниз. Это не физкультура (*апплодисменты*). Нельзя допускать, чтобы литературный разбор произведения автора тотчас же влиял на его социальное положение. Вопрос о распределении благ не должен находиться в зависимости от литературной критики. Нельзя, наконец, рассматривать неудачи и срывы художника как преступления, а удачи — как реабилитацию (*апплодисменты*)”⁶. Раздавались на этом съезде и голоса других, кто пытался в той или иной форме призывать к реализму как таковому, а не к социалистической его интерпретации, с помощью которой можно было оправдать или же подвергнуть ostrакизму все что угодно. Как ни странно, но Сталин доверил своему закоренелому противнику Н. Бухарину выступить на этом съезде с докладом. (Надо в скобках заметить, что доклад получился содержательным, критичным и резко полемическим по содержанию и духу.) Бухарин не преминул воспользоваться трибуной, чтобы в завуалированной форме высказать свое отношение к соцреализму. Он, в частности, сказал: “Мы должны показать все жизненное богатство, все конфликты, колебания, поражения, борьбу тенденций, а не просто дать элементарное изображение, похожее на бревно, в которое воткнут красный флаг. Долой бревно с красным флагом в области поэтического творчества! Нам нужно показывать всю борьбу тенденций, все многообразие жизни!”⁷

Другим краеугольным камнем, заложенным Сталиным в здание советской литературы, стала знаменитая формула о писателях как инженерах человеческих душ. Тогда, в пору индустриализации, это, возможно, и звучало актуально, однако с точки зрения здравого подхода к оценке литературного, как и любого другого творчества, эта формула выглядела грубым упрощением, неприкрытой примитивизацией самого процесса творческого труда, где вдохновение и другие мистические порывы, играют первостепенную роль. Такой вот упрощенный подход стал одним из тех, которые, с одной стороны, как бы возвышали писателей до высокого уровня почетной тогда профессии инженера, а с другой — низводили его до статуса механика от литературы. Хотя, надо отметить особо, все годы сталинского правления выдвинутая им формула преподносилась как величайшая

⁶ Первый Всесоюзный съезд советских писателей. Стенографический отчет. М. 1934. М. С. 183.

⁷ Там же. С. 499.

похвала в адрес писателей. Кстати, развернутую интерпретацию этой формулы на том же съезде писателей дал А.А. Жданов, приветствовавший писателей от имени ЦК партии.

Что это значит? Какие обязанности накладывает на вас это звание? – задавал вопрос Жданов? И отвечал: это значит, во-первых, знать жизнь, чтобы уметь ее правдиво изобразить в художественных произведениях, изобразить не схолastically, не мертвко, не просто как “объективную реальность”, а изобразить действительность в ее революционном развитии.

При этом правдивость и историческая конкретность художественного изображения должны сочетаться с задачей идейной переделки и воспитания трудящихся людей в духе социализма. Такой метод художественной литературы и литературной критики есть то, что мы называем методом социалистического реализма.

Наша советская литература не боится обвинений в тенденциозности. Да, советская литература тенденциозна, ибо нет и не может быть в эпоху классовой борьбы литературы не классовой, не тенденциозной, якобы аполитичной (*аплодисменты*).⁸

Как видим, свод жестких и подлежащих неукоснительному выполнению правил стал неотъемлемой чертой всех сфер духовной жизни советского общества. Как правило, автором или духовным прародителем этих норм и правил был сам вождь. В некоторых случаях он не выступал в качестве автора, желая продемонстрировать существующую в стране свободную творческую атмосферу.

Жесткий, всеобъемлющий контроль выступал в качестве одного из основных принципов, на базе которых осуществлялось Сталиным руководство идейной жизнью страны, в том числе и литературой. Этот контроль был фактически официально закреплен в соответствующих партийных решениях – съездов партии, пленумов ее ЦК и в многочисленных (можно даже сказать бесчисленных) постановлениях Политбюро, Оргбюро, Секретариата, идеологических отделов центрального партийного аппарата. Помимо этого, Сталин широко пользовался агентурными донесениями, которые ему представлялись соответствующими службами органов безопасности. К примеру, после окончания первого съезда писателей вождь получил несколько секретных информаций о том, как писатели в беседах друг с другом и разными лицами оценивали ход съезда. Так, Бабель говорил: “Мы должны демонстрировать миру единодушие литературных сил Союза. А так как все это делается искусственно, из-под палки, то съезд проходит мертвко, как царский парад, и этому параду, конечно, никто за границей не верит. Пусть раздувает наша пресса глупые вымыслы о колossalном воодушевлении делегатов. Ведь имеются еще и корреспонденты иностранных газет, которые по-настоящему освещают эту литературную панихиду. Посмотрите на Горького и Демьяна Бедного. Они ненавидят друг друга, а на съезде сидят рядом, как голубки. Я воображаю, с каким наслаждением они повели бы в бой на этом съезде каждый свою группу”⁹.

А поэт Жаров сочинил следующую эпиграмму:

“Наш съезд был радостен и светел,
И день был этот страшно мил –
Старик Бухарин нас заметил
И, в гроб сводя, благословил”¹⁰.

⁸ Первый Всесоюзный съезд советских писателей. С. 4.

⁹ Власть и художественная интеллигенция. С. 233.

¹⁰ Там же. С. 236.

Во время работы первого съезда органами безопасности была перехвачена листовка, очевидно, адресованная зарубежным гостям. Она рисует еще более мрачную картину положения в среде писателей. Приведу выдержку из нее, чтобы у читателя самого сложилось определенное мнение.

Анонимные авторы (или автор) писали: "Для того, чтобы уяснить это, вы должны, как это [ни] трудно для вас, живущих в совершенно других условиях, понять, что страна вот уже 17 лет находится в состоянии, абсолютно исключающем какую-либо возможность свободного высказывания. Мы, русские писатели, напоминаем собой проституток публичного дома с той лишь разницей, что они торгуют своим телом, а мы душой; как для них нет выхода из публичного дома, кроме голодной смерти, так и для нас... Больше того, за наше поведение отвечают наши семьи и близкие нам люди. Мы даже дома часто избегаем говорить так, как думаем, ибо в СССР существует круговая система доноса. От нас отбирают обязательства доносить друг на друга, и мы доносим на своих друзей, родных, знакомых..."

Мы лично опасаемся, что через год-другой недоучившийся в грузинской семинарии Иосиф Джугашвили (Сталин) не удовлетворится званием мирового философа и потребует по примеру Навуходоносора, чтобы его считали, по крайней мере, «священным быком»¹¹.

После приведенных мною высказываний у читателя, боюсь, может сложиться однобокое и превратное представление об общем состоянии литературы в те времена. Однако я сознательно сделал акцент на негативных моментах, чтобы мне не было поставлено в вину, что я скрываю факты и рисую идеалистическую картину состояния литературы. В действительности, положение не было столь безотрадным и мрачным. В это время в советской стране творили многие писатели и поэты, оставившие глубокий след в нашей культуре и в мировой литературе, например, "Тихий Дон" Михаила Шолохова, поэзия В. Маяковского и Б. Пастернака и многое другое. В эти годы развивалось театральное искусство, творили К.С. Станиславский, В.И. Немирович-Данченко и другие выдающиеся деятели советского театра. Многие композиторы создали замечательные произведения, отображающие героику социалистического строительства и пережитых революционных лет. Д.Д. Шостакович, Н.Я. Мясковский, Ю.А. Шапорин написали новые симфонии, навеянные идеями современности. В идеально-политическом и эстетическом воспитании тружеников СССР немалое место занимало художественно-изобразительное искусство: живопись, скульптура. Просто невозможно перечислить всех тех, кто занял достойное место в мировой литературе. Это я пишу для того, чтобы у читателя не возникало впечатления какой-то безысходности ситуации в советской литературе и в других видах духовной жизни народа.

При подходе к вопросам литературы Stalin нередко проявлял чуткость и внимание, которые в тех условиях были особенно ценные, поскольку служили не столько эталоном для других, но и прямым указанием чиновникам от литературы не проявлять излишней прыти и не применять принцип голого администрирования и командования, ибо эти методы в высшей степени нетерпимы прежде всего в подходе к творчеству того или иного писателя, драматурга, композитора или художника. Характерна в этом плане записка вождя, адресованная тогдашнему секретарю правления Союза писателей В. Ставскому. Stalin писал ему:

¹¹ Власть и художественная интеллигенция. С. 227–228.

“10 декабря 1935 года.

Тов. Ставский!

Обратите внимание на т. Соболева. Он, бесспорно, крупный талант (судя по его книге «Капитальный ремонт»). Он, как видно из его письма, капризен и неровен (не признает «оглобли»). Но эти свойства, по-моему, присущи всем крупным литературным талантам (может быть, за немногими исключениями).

Не надо обязывать его написать вторую книгу «Капитального ремонта». Такая обязанность ниоткуда не вытекает. Не надо обязывать его написать о колхозах или Магнитогорске. Нельзя писать о таких вещах по обязанности.

Пусть пишет, что хочет и когда хочет.

Словом, дайте ему перебеситься... И поберегите его.

Привет! И. Сталин”¹².

Другой пример того, как Stalin вступался за писателей и поддерживал их творчество, относится к военному периоду. В 1942 году “Правда” опубликовала текст пьесы А. Корнейчука “Фронт”, в которой совершенно не со стандартных позиций рассматривались вопросы военного руководства на уровне фронта и армии. Маршал Тимошенко незамедлительно отреагировал на это телеграммой Stalinу, в которой подверг зубодробительной критике (причем совершенно не приведя ни одного аргумента в обоснование своей позиции) эту пьесу. Он заявил, что эта пьеса вредит нам целыми веками, ее нужно изъять, автора привлечь к ответственности. Виновных в связи с этим следует разобрать. Stalin незамедлительно отреагировал на это маршальское вмешательство в творческие дела. Он послал Тимошенко следующую телеграмму: “ Вашу телеграмму о пьесе Корнейчука «Фронт» получил. В оценке пьесы Вы не правы. Пьеса будет иметь большое воспитательное значение для Красной Армии и ее комсостава. Пьеса правильно отмечает недостатки Красной Армии, и было бы неправильно закрывать глаза на эти недостатки. Нужно иметь мужество признать недостатки и принять меры к их ликвидации. Это единственный путь улучшения и усовершенствования Красной Армии”¹³.

Одновременно, чтобы приободрить драматурга, вождь направил А. Корнейчуку текст своей переписки с маршалом. Надо отметить, что Stalin тонко уловил исключительно важную в тот период войны идею овладения новыми методами военных действий со стороны высших военных руководителей. Причем, видимо, ему особенно импонировал резкий критический подход к тем, кто цеплялся за старые шаблоны и подходил к современной войне с позиций Гражданской войны. Пьеса вызвала колossalный резонанс в военной среде, поскольку именно там особенно ощущался вред от трафаретов и шаблонов, унаследованных от прошлого. Это – всего лишь пара примеров, а их было немало. Разумеется, Stalin не располагал временем и возможностями внимательно следить за развитием как литературного процесса в целом, так и за творчеством отдельных писателей. Но имеющиеся факты говорят о том, что он стремился быть в курсе дела хотя бы важнейших событий. Это обстоятельство как раз с положительной стороны характеризует отношение вождя к сфере литературы и искусства.

Другим примером поддержки вождем писателей во время войны служит его отношение к М. Шолохову. Вообще надо отметить, что Stalin к Шолохову пи-

¹² И. Stalin. Соч. Т. 18. С. 116.

¹³ И. Stalin. Соч. Т. 18. С. 296.

тал особую симпатию и высоко ценил его талант. Может быть, он ожидал от него, что именно великий русский писатель – создатель “Тихого Дона” – творчески способен создать по-настоящему великое произведение о великой войне советского народа, своего рода советскую “Войну и мир”. Не исключено, что вождь надеялся, что и его роль в войне найдет достойное отражение в советском варианте гениального творения Л. Толстого.

В 1942 году М. Шолохов получил контузию и находился в Москве. Сталин напомнил о себе. Случилось это в мае месяце – в канун дня рождения писателя. Вождь пригласил писателя вместе поужинать, произнес за него тост. Наиболее примечательными Михаилу Александровичу показались произнесенные во время застолья следующие слова: «Идет война. Тяжелая. Тяжелейшая. Кто о ней после победы ярко напишет? Достойно, как в «Тихом Доне»... Храбрые люди изображены – и Мелихов, и Подтелков, и еще многие красные и белые. А таких, как Суворов и Кутузов, нет. Войны же, товарищ писатель, выигрываются именно такими великими полководцами. В день Ваших именин мне хочется пожелать Вам крепкого здоровья на многие годы и многогалантливого, всеохватного романа, в котором бы правдиво и ярко, как в «Тихом Доне», были изображены и герои-солдаты, и гениальные полководцы, участники страшной войны...» Намекал ли Stalin на желательность изображения шолоховским пером себя – об этом можно только гадать.¹⁴

Другая встреча Шолохова со Сталиным в том же 1942 году связана с клеветническим слухом, будто Михаил Александрович «оставил» семью на оккупированной врагом территории. Недоразумение быстро разъяснилось, и Stalin проводил писателя напутствием: “Ну, товарищ Шолохов, идите. И берегите себя. Вы нужны партии. Вы нужны народу!”¹⁵

Но вернемся к непосредственному предмету нашего рассмотрения – к фундаментальным принципам, определявшим политику Сталина в духовной сфере.

Безусловно, плодотворной идеей, которую взял у Ленина на вооружение Stalin, была идея о том, что подлинная социалистическая культура создается на базе усвоения и критической переработки духовного наследия прошлого, всех ценностей мировой культуры. Не случайно в эту эпоху достоянием чрезвычайно широкого круга читателей стали произведения величайших представителей мировой литературы и культуры в целом. Культура становилась не привилегией избранных, она постепенно, шаг за шагом осваивалась многомилюнными массами населения страны. Причем особого акцента заслуживает то, что духовная жизнь стала усиленно развиваться не только в собственно России, но и в национальных республиках. Причем этому придавалось первостепенное значение. И борьба за подъем национальной культуры явилась одним из весомых и убедительных доказательств того, что Stalin с правильных позиций подходил к данному вопросу, что выбивало почву из-под ног местных националистов. В такой многонациональной стране, как Советский Союз, проблема правильного и органичного сочетания национального с русским была в целом решена достаточно успешно. Хотя каждый отдает себе отчет в том, что сама эта проблема была чрезвычайно сложной и трудной для решения. Одним махом нельзя было похоронить старое великодержавное наследие в сфере культуры, которое сложилось за долгие годы

¹⁴ См. Валентин Осипов. Тайная жизнь Михаила Шолохова. М. 1995. С. 234–235.

¹⁵ Писатель и вождь. Переписка М.А. Шолохова с И.В. Сталиным. Сборник документов из личного архива И.В. Сталина. Составитель Юрий Мурин. М. 1997. С. 155.

циализма. А без решения этой проблемы говорить о единстве наций и народностей в рамках единого государства, о их дружбе и сплоченности — было просто пустой болтовней.

Важным моментом в духовном арсенале советского общества было положение о равенстве наций, причем не просто о равенстве как таковом, а о равенстве, предполагающем, что малые нации способны внести достойный вклад в мировую сокровищницу духовной культуры человечества. К этой сфере деление на великие и малые нации едва ли приложимо. Данную мысль Сталин четко сформулировал в феврале 1948 года на обеде в честь финляндской правительственный делегации. Тогда он сказал: “Многие не верят, что могут быть равноправными отношения между большой и малой нациями. Но мы, советские люди, считаем, что такие отношения могут и должны быть. Советские люди считают, что каждая нация, — все равно — большая или малая, имеет свои качественные особенности, свою специфику, которая принадлежит только ей и которой нет у других наций. Эти особенности являются тем вкладом, который вносит каждая нация в сокровищницу мировой культуры, и дополняют ее, обогащают ее. В этом случае все нации — и малые и большие, — находятся в одинаковом положении, и каждая нация равнозначна любой другой нации”¹⁶.

Причем стоит оттенить еще одну мысль: Сталин, возвышая роль малых наций, не забывал подчеркивать и опасность местного национализма и его негативного влияния на развитие духовной жизни народов союзных и автономных республик. В целом надо признать, как ни сурова была политика в духовной сфере, она тем не менее преследовала цели вполне благородные — воспитание нового человека, сознающего свое высокое достоинство и осознающего свою роль в историческом процессе созидания нового общества.

Культурная революция приобщала к искусству все новые и новые слои трудающихся. Почти в каждом коллективе на заводах, фабриках, в школах, вузах, в сельских клубах работали многочисленные драматические, музыкальные, танцевальные, изобразительные кружки. На сцену выходили новые герои — простые люди труда, и некоторые из старых писателей, оставшихся в Советской России, никак не могли понять душу и раскрыть психологию этого нового героя. Поэтому зачастую превалировали штампы и стандарты в произведениях многих писателей. Не говоря уже о том, что в их среде всегда господствовали взаимные недовольства, зависть, а порой и просто взаимная нетерпимость. Поэтому ко многим высказываниям писателей следует подходить с учетом данного фактора. Характеризуя несколько сумбурно мировоззренческие и эстетические принципы и взгляды Сталина, следует особо отметить, что он придавал серьезное значение тому, чтобы у западных писателей сформировалось о нем благоприятное впечатление. Именно поэтому он всегда находил время для встречи с ними (Б. Шоу, Г. Уэллс, Р. Роллан, Л. Фейхтвангер и другие) и длительных бесед на самые различные, в том числе и литературные темы. Как правило, вождю удавалось, если не очаровать своих западных собеседников, то произвести на них сильное, порой незабываемое впечатление. Это тоже относилось к принципам сталинской политики в духовной области.

Вот типичный пример. В 1934 году он принял известного английского писателя Г. Уэллса и имел с ним продолжительную и довольно откровенную беседу. Г. Уэллс, ранее бывший в Советской России и встречавшийся с Лениным, имел

¹⁶ И. Стalin. Соч. Т. 16. М. 1997. С. 93.

возможность сопоставить то, что он увидел в 1934 году, с тем, что он видел во время Гражданской войны. Лидер страны убеждал английского писателя в том, что наш народ нуждается в просвещении и образовании для решения стоящих перед ним социально-экономических задач. Он убеждал Уэллса: “Старый строй имел на своей стороне, на своей службе много высокообразованных людей, которые защищали старый строй, которые шли против нового строя. Ведь образование – это оружие, эффект которого зависит от того, кто его держит в своих руках, кого этим оружием хотят ударить. Конечно, пролетариату, социализму нужны высокообразованные люди. Ведь ясно, что не олухи царя небесного могут помогать пролетариату бороться за социализм, строить новое общество. Роль интеллигентии я не недооцениваю, ее роль я, наоборот, подчеркиваю. Дело только в том, о какой интеллигентии идет речь, ибо интеллигенты бывают разные”¹⁷. И специальный упор Сталин делал на необходимости борьбы против фашизма, поскольку данный аргумент наилучшим образом воспринимался западной интеллигентией, видевшей в Советской России реальную силу, способную остановить нацистов – этих варваров XX века, которые, подобно инквизиторам, сжигали книги на кострах. Stalin задавал вполне резонный вопрос своему собеседнику: “Взять, например, фашизм. Фашизм есть реакционная сила, пытающаяся сохранить старый мир путем насилия. Что Вы будете делать с фашистами? Уговаривать их? Убеждать их? Но ведь это на них никак не подействует”¹⁸.

Г. Уэллс возвратился из СССР с восторженными впечатлениями от Сталина. Вскоре он опубликовал книгу, в которой передал свои впечатления, в частности от Сталина. О нем он писал: «Я сознаюсь, – писал Уэллс, – что подходил к Сталину с некоторым подозрением и предубеждением. В моем сознании был создан образ очень осторожного, сосредоточенного в себе фанатика, деспота, завистливого, подозрительного монополизатора власти. Я ожидал встретить безжалостного, жестокого доктринера и самодовольного грузина-горца, чей дух никогда полностью не вырывался из родных горных долин». И вот – встреча со Сталиным. «Его нелегко описать, и многие описания преувеличивают его мрачность и спокойствие. Его недостаточная общительность и бесхитростность делают его непонятным для наиболее здравых, но лишенных остроумия людей, отчего он стал предметом самых странных выдумок и скандальных сплетен... Все смутные слухи, все подозрения насчет тайных эмоциональных излишеств для меня перестали существовать навсегда, после того, как я поговорил с ним несколько минут. Я никогда не встречал человека более искреннего, порядочного и честного; в нем нет ничего темного и зловещего, и именно этими его качествами следует объяснять его огромную власть в России... Stalin – совершенно лишенный хитрости и коварства грузин»¹⁹. Естественно, что таких людей, как Р. Роллан, Г. Уэллс и другие, трудно заподозрить в том, что они были чуть ли не политически близоруки и до предела наивны и легковерны. Конечно, они не смотрели на духовную жизнь в нашей стране только через розовые очки. Видели не только достижения, но и недостатки, многие из них с сомнением относились к знаменитым сталинским процессам 30-х годов. Однако не это в конечном счете определяло направленность их оценок и выводов. Главное заключалось в том, что они считали коммунизм меньшей опасностью, чем фашизм, и, воздавая должное политическим

¹⁷ И. Stalin. Соч. Т. 14. Тверь. 2007. С. 26.

¹⁸ И. Stalin. Соч. Т. 14. Тверь. 2007. С. 23.

¹⁹ Цит. по “Московские новости”. № 28. 2002 г.

качествам советского лидера, надеялись, что Советская Россия станет той непререкаемой преградой, о которую расшибет свою осатаневшую голову гитлеровский фашизм.

И надо сказать, что расчеты эти в конечном счете сбылись. Хотя пресловутый пакт Молотова — Риббентропа многих из западных друзей Советской России не то что поверг в шок, но просто оттолкнул от Советского Союза. Однако редко хорошие писатели бывают дальновидными политиками — им не хватило широты мышления глубоко осознать тот факт, что по всем, в том числе и по духовно-идеологическим параметрам, коммунизм и фашизм не просто антиподы, но непримиримые до смерти враги. Лишь исторический ход событий заставил многих западных интеллектуалов убедиться в правоте данной исторической аксиомы.

Как уже убедился читатель, арсенал средств и методов, поставленных на службу сталинской политике во всех сферах жизни общества, был весьма обширен. Нельзя сказать, что этот арсенал не обогащался с течением времени изменением международной обстановки и обстановки внутри страны. Это диктовали потребности жизни государства и общества. Нельзя сказать, что во всех важных поворотах политики в духовной сфере инициатором выступал сам вождь: многое подсказывалось самой жизнью, диктовалось потребностями реальных обстоятельств. Но в каждом случае серьезных поворотов и сдвигов в этой сфере Сталин неизменно играл роль мощного локомотива, приводившего в движение громоздкий и не очень легкий на подъем механизм партийной бюрократии, заправлявшей идеологической сферой. Отсюда проистекало то, что вождь зачастую сам выступал в роли конкретного реализатора того или иного важного поворота в сфере идеологии.

2. Стalin и церковь

Рассматривая проблемы духовной жизни общества в сталинскую эпоху, нельзя воспользоваться фигурой умолчания и обойти вопрос об отношении Сталина к церкви. Если смотреть на данный вопрос с широкой исторической ретроспективы, то он далеко выходит за рамки только отношения к церкви и религии вообще. В широком плане он имеет прямое отношение к такому фундаментальному принципу историзма, как связь времен. Причем эта связь выражается в органическом сочетании и переплетении как исторических событий, так и духовных основ жизни народов и государств. И здесь надо четко и без всяких оговорок признать, что большевики после взятия власти в свои руки нарушили эту, в сущности, нерушимую связь времен. Они развернули беспощадную борьбу против религии и церкви, против духовенства как служителей церкви. Все это происходило под благородными предлогами борьбы с предрассудками и отсталостью. На самом же деле все свелось к неприкрытыму гонению на верующих и в первую очередь на священнослужителей. Невольно вспоминаются слова из популярной песни времен Гражданской войны, где звучали такие слова — “церкви и тюрьмы сравняем с землей!” Церкви во многих местах они действительно сравняли с землей, а вот тюрем настроили больше, чем их было при царе.

Не надо обладать большим политическим кругозором и широким политическим мышлением, чтобы понять простую истину — насилиственное наруше-

ние связи времен, в сущности, выступает как попытка фундаментальным образом пересмотреть процесс исторического развития как таковой, а это чревато — рано или поздно — самыми роковыми последствиями. И большевики столкнулись с такими последствиями, обратив против себя немалую часть населения страны. Эта часть населения могла бы поддержать большевиков и их политику, если бы они не проводили политику насильственной ликвидации церквей и введения всякого рода драконовских запретов на права населения исповедовать ту или иную религию. В обоснование своей церковной политики они приводили тот факт, что многие представители духовенства поддерживали не новую власть, а зачастую открыто призывали к борьбе против нее. Однако, бросая ретроспективный взгляд на советскую историю, волей-неволей приходится констатировать, что их обоснования и оправдания не выдержали и не выдерживают серьезной критики. Это было неприкрытое насилие над человеческим духом. Выражаясь современной терминологией, нарушением фундаментальных прав человека. Хотя революция как раз и осуществлялась под лозунгами возвращения всех человеческих прав многонациональному населению страны.

Теперь о позиции Сталина в данном вопросе. Надо отметить, что среди наиболее видных лидеров большевиков — Ленина, Троцкого, Зиновьева, Каменева и Бухарина — он не проявлял себя рьяным борцом против “религиозного дурмана”, как тогда выражались. В его докладах и выступлениях данная тема, конечно, затрагивалась, особенно после того, как он из первого среди равных постепенно превратился в единственного лидера партии и страны. Но звучала она в его выступлениях как-то, можно сказать, чисто формально и казенно. Сейчас представляется, что он поступал так не случайно, а намеренно, оставляя, видимо, пространство для какого-либо компромисса с церковью, ибо он понимал, что глупо приобретать в лице духовенства серьезного и стойкого противника советской власти. Не исключено, что здесь сказалось также и его религиозное образование — хотя это только мое личное предположение.

Начиная с середины 30-х годов, в церковной политике Сталина стали проявляться элементы позитивной эволюции в сторону более благосклонного отношения к церкви и религии вообще. Подспудной причиной такой эволюции, очевидно, служило следующее соображение: вождь видел приближение войны и неизбежность того, что Советской России не удастся остаться в стороне от участия в ней. А в армии было много верующих, не говоря уже о том, что в случае перерастания войны во всеобщую, в нее будет вовлечена основная масса населения. И с чувствами верующих приходилось считаться как с непреложным фактом, причем фактом первостепенного значения.

И Сталину, бесспорно, принадлежит заслуга в том, что он, пусть с большим запозданием, но все-таки восстановил нарушенную историческую связь времен. Это в конце концов сыграло не последнюю роль в обеспечении нашей победы в Великой Отечественной войне. В этой исторической заслуге проявилась политическая мудрость вождя, его умение заглянуть за горизонты событий и определить правильный стратегический курс.

Определенные признаки, предвестники новых подходов к церкви выразились, в частности, в постановлении Политбюро от 13 ноября 1936 г. о запрете пьесы Д. Бедного “Богатыри”. Одна из главных причин состояла в том, что автор дает антиисторическое и изdevательское изображение крещения Руси, явившегося в действительности положительным этапом в истории русского народа, так как оно способствовало сближению славянских народов с народами более высо-

кой культуры.²⁰ Уже после войны Сталин вновь коснулся этой проблемы, считая ее важной. В беседе с создателями фильма “Иван Грозный” режиссером С. Эйзенштейном и артистом Н. Черкасовым он отметил: “Конечно, мы не очень хорошие христиане, но отрицать прогрессивную роль христианства на определенном этапе нельзя. Это событие имело очень крупное значение, потому что это был поворот русского государства на смыкание с Западом, а не ориентация на Восток”²¹. Здесь, пожалуй, нельзя не добавить и уничтожительную критику того же Д. Бедного со стороны Сталина. “Демьян Бедный представлял себе исторические перспективы неправильно. Когда мы передвигали памятник Минину и Пожарскому ближе к храму Василия Блаженного, Демьян Бедный протестовал и писал о том, что памятник надо вообще выбросить и вообще надо забыть о Минине и Пожарском. В ответ на это письмо я назвал его «Иваном, не помнящим своего рода». Историю мы выбрасывать не можем...”²²

Здесь я хотел бы обратить внимание на то, что Сталин призывает к бережному обращению к истории, что вообще ортодоксальным большевикам было чуждо. На всю прежнюю российскую историю они смотрели как на своего рода предысторию государства советского.

Коренной перелом в отношении Сталина к церкви можно датировать 1943 годом, в самый разгар войны. О том, как все это происходило, свидетельствуют многие факты. Так, между Сталиным и патриаршим местоблюстителем митрополитом Сергием состоялся зимой 1943 года заочный контакт, когда они обменились посланиями. 25 февраля из Ульяновска в Кремль Сталину Сергей написал: “Верующие в желании помочь Красной Армии охотно откликнулись на мой призыв: собрать средства на постройку танковой колонны имени Дмитрия Донского. Всего собрано около 6000000 рублей и, кроме того, большое количество золотых и серебряных вещей... Примите эти средства как дар от духовенства и верующих русской православной церкви в день юбилея Красной Армии”.

Ответ Сталина Сергию был направлен в тот же день:

“Прошу передать православному русскому духовенству и верующим, собравшим 6000000 рублей, золотые и серебряные вещи на строительство танковой колонны имени Дмитрия Донского, мой искренний привет и благодарность Красной Армии”.

В дальнейшем по указанию Сталина были проведены подготовительные работы по налаживанию нормальных отношений между государством и церковью. В сентябре 1943 года Сталин в присутствии некоторых членов Политбюро принял высших иерархов русской православной церкви. Подробный отчет об этой встрече дан в записке, написанной по горячим следам председателем Совета по делам православной церкви Г. Карповым. Я воспользуюсь этой записью, поскольку она рисует достоверную картину того, как все это происходило. После того как Сталин выяснил у Карпова все интересовавшие его вопросы о положении церкви, количестве приходов, в каких материальных условиях находятся сейчас митрополиты Сергий, Алексий и Николай, он сказал:

”– Нужно создать специальный орган, который бы осуществлял связь с руководством церкви. Какие у вас есть предложения?

...После этого т. Сталин обменялся мнениями с тов. Маленковым, Берия по

²⁰ Власть и художественная интеллигенция. С. 333.

²¹ Там же. С. 613.

²² Власть и художественная интеллигенция. С. 614.

вопросу – следует ли принимать ему митрополитов Сергия, Алексия, Николая, а также спросил меня, как я смотрю на то, что Правительство примет их. Все трое сказали, что они считают это положительным фактом...

Двумя часами позднее митрополиты Сергий, Алексий и Николай прибыли в Кремль, где были приняты т. Сталиным в кабинете Председателя Совнаркома Союза ССР. На приеме присутствовали т. Молотов и я²³.

Со свидетельством Карпова перекликается и свидетельство митрополита санкт-петербургского и ладожского Иоанна: “Столь же серьезными были изменения и в области церковно-государственных отношений. 4 сентября 1943 года на совещании, проходившем в одной из загородных резиденций Сталина, было решено пересмотреть государственную политику в области религии. В тот же день в Кремле он принял специально доставленных по такому случаю из разных концов страны виднейших православных иерархов: патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского), ленинградского архиерея митрополита Алексия (Симанского) и экзарха Украины митрополита Николая (Ярушевича).

Сталин – подчеркнуто – начал беседу с того, что высоко отозвался о патриотической деятельности Православной Церкви, отметив, что с фронта поступает много писем с одобрением такой позиции духовенства и верующих. Затем поинтересовался проблемами Церкви²⁴.

Но я несколько опередил изложение событий, поэтому возвращусь к канве, данной в записке Карпова.

“Беседа т. Сталина с митрополитами продолжалась 1 час 55 минут.

Т. Stalin сказал, что Правительство Союза знает о проводимой ими патриотической работе в церквях с первого дня войны, что Правительство получило очень много писем с фронта и из тыла, одобряющих позицию, занятую церковью по отношению к государству.

Т. Stalin, коротко отметив положительное значение патриотической деятельности церкви за время войны, просил митрополитов Сергия, Алексия и Николая высказать об имеющихся у патриархии и у них лично назревших, но не разрешенных вопросах.

Митрополит Сергий сказал т. Stalinу, что самым главным и наиболее назревшим вопросом является вопрос о центральном руководстве церкви... а потому он считает желательным, что [бы] Правительство разрешило собрать архиерейский Собор, который и изберет патриарха, а также образует орган в составе 5–6 архиереев...

Одобрав предложения митрополита Сергия, т. Stalin спросил:

- а) как будет называться патриарх,
- б) когда может быть собран архиерейский Собор,

в) нужна ли какая помочь со стороны Правительства для успешного проведения Собора (имеется ли помещение, нужен ли транспорт, нужны ли деньги и т.д.).

Сергий ответил, что эти вопросы предварительно ими между собой обсуждались и они считали бы желательным и правильным, если бы Правительство разрешило принять для патриарха титул «патриарха Московского и всея Руси», хотя патриарх Тихон, избранный в 1917 г. при Временном правительстве, назывался «патриархом Московским и всея России».

²³ И. Stalin. Соч. Т. 18. С. 621–622.

²⁴ Митрополит санкт-петербургский и ладожский Иоанн. “Свет во тьме светит, и тьма не объяла его”. (Электронный вариант).

Тов. Сталин согласился, сказав, что это правильно.

На второй вопрос митрополит Сергий ответил, что архиерейский Собор можно будет собрать через месяц, и тогда т. Сталин, улыбнувшись, сказал: «А нельзя ли проявить большевистские темпы»...

После короткого обмена мнениями договорились, что архиерейский Собор соберется в Москве 8 сентября.

...Затем митрополит Алексий поднял вопрос перед т. Сталиным об освобождении некоторых архиереев, находящихся в ссылке, в лагерях, в тюрьмах и т. д.

Тов. Сталин сказал им: «Представьте такой список, его рассмотрим»²⁵...

Тов. Сталин сказал, что церковь может рассчитывать на всестороннюю поддержку правительства во всех вопросах, связанных с ее организационным укреплением и развитием внутри СССР, и что, как он говорил об организации духовных учебных заведений, не возражая против открытия семинарий в епархиях, так не может быть препятствий и к открытию при епархиальных управлениях свечных заводов и других производств.

Затем, обращаясь ко мне, т. Сталин сказал: «Надо обеспечить право архиерея распоряжаться церковными суммами. Не надо делать препятствий к организации семинарий, свечных заводов и т. д.»

Затем т. Сталин, обращаясь к трем митрополитам, сказал: «Если нужно сейчас или если нужно будет в дальнейшем, государство может отпустить соответствующие субсидии церковному центру»²⁶.

После этого т. Сталин, обращаясь к митрополитам Сергию, Алексию и Николаю, сказал им: «Вот мне доложил т. Карпов, что Вы очень плохо живете: тесная квартира, покупаете продукты на рынке, нет у Вас никакого транспорта. Поэтому Правительство хотело бы знать, какие у Вас есть нужды и что Вы хотели бы получить от Правительства».

В ответ на вопрос т. Сталина митрополит Сергий сказал, что в качестве помещений для патриархии и для патриарха он просил бы принять внесенные митрополитом Алексием предложения о предоставлении в распоряжение патриархии бывшего игуменского корпуса в Новодевичьем монастыре, а что касается обеспечения продуктами, то эти продукты они покупают на рынке, но в части транспорта просил бы помочь, если можно, выделением машины.

После этого т. Сталин сказал митрополитам: «Ну, если у Вас больше нет к Правительству вопросов, то, может быть, будут потом. Правительство предполагает образовать специальный государственный аппарат, который будет называться Совет по делам Русской православной церкви, и Председателем Совета предполагается назначить т. Карпова. Как вы смотрите на это?»

Все трое заявили, что они весьма благожелательно принимают назначение на этот пост т. Карпова.

Затем, обращаясь ко мне, т. Сталин сказал: «Подберите себе 2–3 помощников, которые будут членами Вашего Совета, образуйте аппарат, но только помните: во-первых, что Вы неober-прокурор; во-вторых, своей деятельностью больше подчеркивайте самостоятельность церкви».

...После этого т. Сталин, обращаясь к т. Молотову, сказал: «Надо довести об этом до сведения населения, так же, как потом надо будет сообщить населению и об избрании патриарха».

²⁵ И. Сталин. Соч. Т. 18. С. 622–625.

²⁶ Там же. С. 625–626.

В заключение этого приема у т. Сталина выступил митрополит Сергий с кратким благодарственным словом к Правительству и лично к т. Сталину...

Тов. Stalin, попрощавшись с митрополитами, проводил их до дверей своего кабинета.²⁷

Данный прием был историческим событием для церкви и оставил у митрополитов Сергия, Алексия и Николая большие впечатления, которые были очевидны для всех, кто знал и видел в те дни Сергия и других²⁸.

В дополнение следует подчеркнуть, что вождь, стремясь придать церкви большее самостоятельности и прав, дал специальные указания относительно деятельности Совета по делам Русской православной церкви. Они были лаконичны, но содержали самое существенное, что открывало перед православной церковью достаточно широкие возможности. Указания предусматривали:

а) Совет не решает, а обо всем докладывает и получает указания от правительства; б) Совету не представлять собою бывшего обер-прокурора, не делать прямого вмешательства в административную, каноническую и догматическую жизнь церкви и своей деятельностью подчеркивать самостоятельность церкви; в) председателю Совета установить такие отношения с патриархом, которые не давали бы церковному центру повода рассматривать председателя Совета как обер-прокурора. Обеспечить соответствующие встречи, приемы, формы обращения с патриархом, которые могли бы быть использованы для соответствующего влияния; г) не смотреть в карман церкви и духовенства, так как это испортит отношения между Советом и церковным центром и другими руководящими деятелями Церкви, и считать это компетенцией органов министерства финансов; д) не делать «булавочных уколов» группам верующих и при рассмотрении вопроса об открытии церкви, хотя и регулировать, но не зажимать; е) Совету обеспечить, чтобы епископат являлся полновластным хозяином епархии, и право архиерея распоряжаться церковными суммами; ж) не делать препятствий к организации семинарий, свечных заводов и т.п.²⁹

Этот прием, а главное его результаты и самое благосклонное отношение вождя к иерархам Русской православной церкви, имели историческое значение как для церкви, так, можно сказать, и для государства в целом. Вот как оценивал митрополит Иоанн значение этой встречи и вообще поворота в церковной политике Сталина:

«При этом – надо отдать Сталину должное – пересмотр осуществлялся решительно и целенаправленно во всех областях: от культурно-исторической до религиозной... Результаты этой беседы превзошли всякие ожидания. Все до единого вопросы, которые были поставлены иерархами, говорившими о насущных нуждах клира и паствы, были решены положительно и столь радикально, что принципиально изменили положение Православия в СССР. Было принято решение о созыве архиерейского собора и выборах патриарха, престол которого 18 лет пустовал из-за препятствий со стороны властей. Договорились о возобновлении деятельности Священного Синода. В целях подготовки кадров священнослужителей решили вновь открыть духовные учебные заведения – академии и семинарии. Церковь получила возможность издания потребной религиозной литературы – в том числе периодической.

²⁷ И. Stalin. Соч. Т. 18. С. 627–628.

²⁸ И. Stalin. Соч. Т. 18. С. 628–629.

²⁹ И. Stalin. Соч. Т. 18. С. 328.

Итоги внезапной «перемены курса» стали поистине ошеломляющими. В несколько ближайших лет на территории СССР, где к началу войны оставалось, по разным данным, от 150 до 400 действующих приходов, были открыты тысячи храмов, и количество православных общин доведено, по некоторым сведениям, до 22 тысяч! Значительная часть репрессированного духовенства была возвращена на свободу. Прекратились прямые гонения на верующих и дикие шабаши «Союза воинствующих безбожников», сопровождавшиеся святотатственным пропагандистским разгулом.

Русь оживала. Церковь выстояла...³⁰

Однако, как пишет митрополит Иоанн, в руководстве партии во второй половине 40-х годов наметилась тенденция ужесточить политику в отношении церкви. Готовилось даже специальное решение по этому вопросу. Но, в конце концов, Сталин – более дальновидный и pragматичный, чем большинство его оголтелых соратников все же настоял на своем. Подготовка документа была свернута. Более того, к концу 40-х годов из лексикона партийных и государственных документов практически исчезли сами термины «антирелигиозная» или «атеистическая» работа. Не было их и в отчетном докладе ЦК ВКП(б) девятнадцатому съезду партии, который в октябре 1952 года представил делегатам Маленков. Впервые на съезде партии вообще был обойден молчанием вопрос о задачах антирелигиозной пропаганды.³¹

В контексте изложенного выше материала у многих возникал и возникает вопрос: был ли Stalin православным человеком? На этот вопрос точно и определенно мог бы ответить только сам Stalin. В наши дни разные исследователи его жизни отвечают по-разному. Вот, например, как на него ответил в интервью известный русский историк И. Фроянов:

«Если исходить из того, что Stalin внес огромный вклад в спасение России и если в России видеть Богоизбранную страну, носительницу Христовой Веры в ее чистоте и полноте, то с этой точки зрения его можно считать православным человеком. Конечно, однозначной характеристики быть не может. Дело в том, что Stalin как всякий великий человек созерцал, по выражению Достоевского, две безздны: безду добра и безду зла. Это своеобразные весы колеблющиеся. Но нельзя отлучать Stalina от Православия, потому что по конечному характеру своей деятельности, связанной с его значением в истории России, его можно считать православным человеком.

– Как произросла и укреплялась любовь к России и русскому народу в родившемся на окраине империи сыне бедного грузинского сапожника? Какие события в жизни Stalina сыграли роль в этом аспекте формирования его личности?

– И. Фроянов: Конечно же, обучение в семинарии во многом способствовало этому. Оно ведь вырабатывало в нем чувство единения с Православной Русью, чувство соборности. Вся его политическая деятельность была связана не с окраиной, а с самой Россией. Он, активно участвуя в политической борьбе, понимал, что его участие в политике весьма важно для судьбы России. Он был сопричастен к исторической судьбе России. Не был безразличен к России, к ее величию, к ее державности. Он не окраинный человек. Он по духу русский человек»³².

³⁰ Иоанн. «Свет во тьме светит, и тьма не объяла его». (Электронный вариант).

³¹ Там же.

³² Интервью И. Фроянова сетевому журналу «Полярная звезда» к 125-летию со дня рождения И.В. Сталина. (Электронная версия).

Завершая этот небольшой раздел, следует в целом положительно оценить политику Сталина в отношении церкви. Его постоянно эволюционирующий курс в отношении к церкви был обусловлен отнюдь не личными качествами самого вождя (хотя и этот фактор играл определенную роль), он был продиктован объективными потребностями развития страны и отвечал духу времени и интересам большинства народа. Главное в конечном счете заключалось в том, что этот курс восстанавливал связь времен в российской истории, ликвидировал зияющую пропасть, образавшуюся в результате гонений на церковь, которые продолжались на протяжении целых десятилетий. Но, как показал исторический опыт (не только нашей страны), лишить народ даже части его духовного наследия — значит нанести ему непоправимый ущерб. И в конечном счете такие попытки рано или поздно обнажают свою бесплодность и обреченность.

3. Политико-идеологические кампании Сталина после войны

Прежде чем перейти к общему обзору политики идеологических кампаний, затронувших практически все сферы духовной жизни общества, необходимо дать хотя бы предположительный ответ на главный вопрос: чем все это было продиктовано, какие объективные и субъективные причины служили локомотивами, приведшими в движение всю интеллектуальную часть общества? Ответ на данный вопрос не прост, он не лежит на поверхности и нуждается в серьезном обосновании. Ведь совершенно очевидно, что не просто в силу какой-то личной прихоти Сталина развернулись широким фронтом эти кампании. Хотя, разумеется, фактор личного мнения вождя о сложившейся в этой сфере обстановке играл чрезвычайно важную роль, ибо он давал направление, определял цели этих кампаний и четко обозначал цели главных ударов в отдельных сферах культурной жизни страны.

В интерпретации данной проблемы издавна сложились две диаметрально противоположные точки зрения. Первая исходила из того, что в стране после войны на культурном фронте сложилась нездоровая обстановка. Одной из причин этого было ослабление партийного контроля за процессами в литературе, кинематографии, музыке, драматургии, науке и т.д. И как закономерный итог — появление откровенно чуждых советскому образу жизни и мысли произведений, наносивших серьезный вред развитию всего советского общества. Период войны завершился, и настала пора навести должный порядок в духовной области жизни советских людей. Именно в это время полным ходом шел процесс восстановления народного хозяйства, и советские люди нуждались в том, чтобы культура и искусство играли в этом деле свою созидающую роль, а не выступали в качестве своего рода оппонента и критика главных процессов развития страны.

Кроме того, одной из важнейших причин развертывания идеологических кампаний выступала международная обстановка. Если прежде главным полем противоборства являлась война, то отныне этим полем стала сфера идейной жизни, сфера литературы, кино, театра, музыкального искусства и т. д. Вождь исходил из посылки, что идеологическая борьба в сложившихся международных условиях будет носить жесткий, непримиримый и долгосрочный характер, что в ней будут использоваться все допустимые и недопустимые средства.

Подтверждением этого тезиса служит высказывание Сталина на встрече с творческой интеллигенцией в 1946 году. На ней вождь заявил: “Говоря о даль-

нейшем развитии советской литературы и искусства, нельзя не учитывать, что они развиваются в условиях невиданного еще в истории размаха тайной войны, которую сегодня мировые империалистические круги развернули против нашей страны, в том числе в области литературы и искусства. Перед иностранной агентурой в нашей стране поставлена задача проникать в советские органы, ведающие делами культуры, захватывать в свои руки редакции газет и журналов, оказывать решающее воздействие на репертуарную политику театра и кино, на издание художественной литературы. Всячески препятствовать выходу в свет революционных произведений, воспитывающих патриотизм и поднимающих советский народ на коммунистическое строительство, поддерживать и продвигать в свет произведения, в которых проповедуется неверие в победу коммунистического строительства, пропагандируется и восхваляется капиталистический способ производства и буржуазный образ жизни.

В то же время перед иностранной агентурой поставлена задача добиваться в произведениях литературы и искусства пропаганды пессимизма, всякого рода упадничества и морального разложения”³³.

Некоторые исследователи выделяют в качестве одной из побудительных причин рассматриваемых кампаний то, что часть советских людей своими глазами увидели, какова в действительности жизнь на Западе, и это неизбежно порождало в их умах сравнения и сомнения. Они хотели перемен, хотели, чтобы и в нашей стране было нечто подобное. Конечно, указанное обстоятельство сыграло определенную роль в качестве побудительного мотива для масштабного развертывания идеологических кампаний. Однако, на мой взгляд, этот побудительный мотив играл отнюдь не решающую роль.

Нужно сказать, что в среде творческой интеллигенции довольно широкое распространение получили настроения чуть ли не наступления эры всеобщей свободы и даже вседозволенности: мол, теперь, после победы, нам некого бояться и мы можем поступать не так, как нам указывает партия и ее вождь, а как нам заблагорассудится. Нельзя не отметить и того факта, что в кругах творческой интеллигенции, а также в научных кругах в тот период довольно широкое распространение получили личное соперничество, склоки, всякого рода скандалы на почве личного соперничества. И все это не могло не сказываться самым отрицательным образом на общем положении на идеологическом и научном фронтах.

Перечислив некоторые из движущих пружин начатых Сталиным кампаний, я не хочу сказать, что все они были объективно обоснованы и целиком и полностью оправданы. Однако их перечисление помогает кое в чем понять истоки сталинских идеологических чисток. Причем надо заметить, что из перечисленных выше мотивов никак нельзя делать вывод, будто и во время войны, не говоря уже о довоенных годах, вождь не держал под своим контролем данную сферу общественной жизни — просто новые условия требовали новых, гораздо более радикальных подходов. При этом Stalin задумал провести не какую-либо одну кампанию, а целую серию кампаний, призванных охватить если не все, то наиболее важные области духовной жизни общества.

Таковы в самом общем, конспективном виде, главные мотивы, толкнувшие вождя на проведение идеологических кампаний. Это всего лишь мои личные предположения, которые могут содержать в себе элементы упрощения или тенденциозного субъективизма.

³³ И. Стalin. Соч. Т. 16. С. 52.

Другая точка зрения на побудительные истоки сталинских идеологических кампаний сложилась давно, и надо сказать, что она является господствующей не только среди западных специалистов, но и среди многих (если не большинства) российских историков-исследователей данного периода советской эпохи. Довольно четко ее выразил итальянский специалист по истории Советского Союза Дж. Бoffa. Он писал по этому поводу:

“Хотя смутные надежды на обновление страны после войны не могли найти себе политического выражения, существовала вероятность, что они проявятся каким-либо образом в сфере культуры; это было тем более возможно, что в военные годы интеллигенция и народ накрепко слились друг с другом. Мы не хотим сказать, что в кругах советских деятелей культуры существовало какое-либо оппозиционное движение. Скорее это было ощущение новой творческой силы. Деятели культуры стремились более глубоко отражать драматические перипетии человеческой жизни и политических событий, тесно связанных в это время. Кроме того, в стране, пережившей трагические периоды, проявлялся огромный интерес к культурным ценностям. На вечерах поэзии такие замечательные авторы, как Пастернак и Ахматова, пользовались колossalным успехом у молодежи. Стalinское руководство опасалось развития живой мысли, не поддающейся контролю. Как и в случае с бурным обновлением партийных рядов, эти процессы начали вызывать беспокойство еще в 1944 г. Летом 1946 г., в момент обострения голода, было начато широкое наступление против автономии культурной жизни, где бы она ни проявлялась”³⁴.

Конечно, можно оспорить некоторые положения из приведенного пассажа, однако нельзя отрицать, что в высказывании итальянского автора есть рациональное зерно. Тем более, что в каких-то нюансах эта точка зрения перекликается с позицией такого крупного представителя советской литературы, как К. Симонов, который, как говорится, на собственной шкуре испытал все перепады и зигзаги сталинской политики в области литературы и искусства. В своих размышлениях о Сталине он писал следующее: “В то же время в постановлении о ленинградских журналах не было, вернее, за ним, думаю, субъективно для Сталина не стояло призыва к лакировке, к облегченному изображению жизни, хотя многими оно воспринималось именно так. Почти одновременно, в этот же период, Stalin поддержал, собственно говоря, выдвинул вперед такие, принципиально далекие от облегченного изображения жизни вещи, как “Спутники” Пановой или чуть позже “В окопах Сталинграда” Некрасова. Вслед за ними вскоре получила премию и трагическая “Звезда” Казакевича, изобиловавшая конфликтами “Кружилиха” Пановой. Нет, все это было не так просто и не так однозначно. Думается, исполнение, торопливое и какое-то, я бы сказал, озлобленное, во многом отличалось от замысла, в основном чисто политического, преследовавшего цель прочно взять в руки немножко выпущенную из рук интеллигенцию, пресечь в ней иллюзии, указать ей на ее место в обществе и напомнить, что задачи, поставленные перед ней, будут формулироваться так же ясно и определенно, как они формулировались и раньше, до войны, во время которой задрали хвосты не только некоторые генералы, но и некоторые интеллигенты, — словом, что-то на тему о сверчке и шестке”³⁵.

Теперь перейду к конкретным областям духовной жизни, непосредственно затронутым, если здесь уместно данное определение, сталинской культурной революцией послевоенного периода.

³⁴ Джузеппе Бoffa. История Советского Союза. Т. 2. С. 328–329.

³⁵ Константин Симонов. Глазами человека моего поколения. “Знамя”. 1988 г., № 3. 50.

Литература

Если определять главную причину развернутой вождем кампании “по наведению порядка” в области литературы, да и других сфер духовной жизни общества, то в основе лежал тезис, сформулированный Сталиным в 1946 году. Тогда он заявил: “В последнее время во многих литературных произведениях отчетливо просматриваются опасные тенденции, навеянные тлетворным влиянием разлагающегося Запада, а также вызванные к жизни подрывной деятельностью иностранных разведок. Все чада на страницах советских литературных журналов появляются произведения, в которых советские люди – строители коммунизма изображаются в жалкой карикатурной форме. Высмеивается положительный герой, пропагандируется низкопоклонство перед иностранницей, восхваляется космополитизм, присущий политическим отбросам общества.

В репертуарах театров советские пьесы вытесняются порочными пьесами зарубежных буржуазных авторов.

В кинофильмах появилось мелкотемье, искажение героической истории русского народа”³⁶.

Своего рода сигналом к развертыванию широкомасштабных кампаний в духовной сфере послужило постановление ЦК партии “О журналах «Звезда» и «Ленинград»” от 14 августа 1946г., которое, конечно, не было каким-то открытием в области партийной политики в сфере литературы. И до этого принимались различные постановления, но это имело особый смысл – оно как бы давало набатный сигнал для фронтальной атаки на целые литературные направления и отдельных писателей, которые, по мнению Сталина, заслуживали самого сурового осуждения. И они должны были пройти через сталинскую идеологическую инквизицию. Сам тон постановления, резкость и категоричность оценок и выводов не оставляли сомнений в том, что вождь взялся за это дело со всей строгостью и серьезностью.

Постановление начиналось с резкого осуждения М. Зощенко. В нем отмечалось, что в журнале «Звезда» за последнее время, наряду со значительными и удачными произведениями советских писателей, появилось много безыдейных, идеологически вредных произведений. Грубой ошибкой «Звезды» является предоставление литературной трибуны писателю Зощенко, произведения которого чужды советской литературе. Редакции «Звезды» известно, что Зощенко давно специализировался на писании пустых, бессодержательных и пошлых вещей, на проповеди гнилой безыдейности, пошлости и аполитичности, рассчитанных на то, чтобы дезориентировать нашу молодежь и отправить ее сознание. Последний из опубликованных рассказов Зощенко «Приключения обезьяны»... представляет пошлый пасквиль на советский быт и на советских людей. Зощенко изображает советские порядки и советских людей в уродливо карикатурной форме, клеветнически представляя советских людей примитивными, малокультурными, глупыми, с обычательскими вкусами и нравами. Злостно хулиганское изображение Зощенко нашей действительности сопровождается антисоветскими выпадами.³⁷

Ко всему прочему писатель был обвинен в недостойном поведении во время войны, когда он, ничем не помогая советскому народу в его борьбе против немецких захватчиков, написал такую омерзительную вещь, как “Перед восходом

³⁶ И. Стalin. Соч. Т. 16. С. 51.

³⁷ Власть и художественная интеллигенция. С. 587.

солнца.” Словом, набор обвинений далеко выходил за чисто литературные рамки и как бы негласно ставил Зощенко в один ряд с врагами советского народа. А это был уже явный перебор, что, однако, никак не смущало авторов постановления. В 30-е годы подобная оценка расценивалась бы как политическое преступление со всеми вытекающими из этого выводами.

Следующим главным фигурантом обвинений стала А. Ахматова. Журналу “Звезда” инкриминировалось в вину, что он всячески популяризирует также произведения писательницы Ахматовой, литературная и общественно-политическая физиономия которой давным-давно известна советской общественности. Ахматова является типичной представительницей чуждой нашему народу пустой безыдейной поэзии. Ее стихотворения, пропитанные духом пессимизма и упадничества, выражают вкусы старой салонной поэзии, застывшей на позициях буржуазно-аристократического эстетства и декадентства, «искусства для искусства», не желающей идти в ногу со своим народом наносят вред делу воспитания нашей молодежи и не могут быть терпимы в советской литературе.³⁸

Постановление констатировало, что все это внесло элементы идеиного разброда и дезорганизации в среде ленинградских писателей. В журнале стали появляться произведения, культивирующие не свойственный советским людям дух низкопоклонства перед современной буржуазной культурой Запада. Стали публиковаться произведения, проникнутые тоской, пессимизмом и разочарованием в жизни. Далее перечислялись некоторые произведения, помещенные в журнале, в качестве доказательства того, что идеиный и художественный уровень журнала снизился.

Соответствующую долю резко критических обвинений получил и журнал “Ленинград”. Главную причину всех этих срывов авторы постановления усматривали в том, что руководители журналов “забыли, что наши журналы являются могучим средством советского государства в деле воспитания советских людей и в особенности молодежи и поэтому должны руководствоваться тем, что составляет жизненную основу советского строя, – его политикой. Советский строй не может терпеть воспитания молодежи в духе безразличия к советской политике, в духе наплевализма и безыдейности”³⁹.

Постановление не оставило вне поля внимания и то, что недостаток идеиности у руководящих работников «Звезды» и «Ленинграда» привел также к тому, что эти работники поставили в основу своих отношений с литераторами не интересы правильного воспитания советских людей и политического направления деятельности литераторов, а интересы личные, приятельские. Из-за нежелания портить приятельские отношения притуплялась критика. Из-за боязни обидеть приятелей пропускались в печать явно негодные произведения. Такого рода либерализм, при котором интересы народа и государства, интересы правильного воспитания нашей молодежи приносятся в жертву приятельским отношениям и при котором заглушается критика, приводит к тому, что писатели перестают совершенствоваться, утрачивают сознание своей ответственности перед народом, перед государством, перед партией, перестают двигаться вперед.⁴⁰

Постановление предписывало ряд суровых мер, в частности, прекратив доступ в журнал произведений Зощенко, Ахматовой и им подобных. Издание жур-

³⁸ Власть и художественная интеллигенция. С. 588.

³⁹ Власть и художественная интеллигенция. С. 589.

⁴⁰ Власть и художественная интеллигенция. С. 589.

нала "Ленинград" было прекращено. Сталин на заседании Оргбюро ЦК партии, где обсуждался этот вопрос, с налетом черного юмора заметил: "Если журнала не станет, Ленинград останется"⁴¹. Литературные руководители были сняты с работы, получили строгие взыскания и причастные к делу издания журналов партийные чиновники из обкома партии, а для разъяснения постановления в Ленинград был командирован А. Жданов.

Сам А. Жданов попал в довольно деликатное положение, если учесть, что всего несколькими месяцами ранее — в апреле того же года, — выступая перед работниками управления пропаганды ЦК партии, он говорил нечто значительно отличавшееся от того, чему он поучал в Ленинграде в своем печально знаменитом докладе. В апреле 1946 года с прямыми ссылками на вождя он заявлял: "Товарищ Сталин дал очень резкую критику нашим толстым журналам, причем он поставил вопрос насчет того, что наши толстые журналы, может быть, следует уменьшить. Это связано с тем, что мы не можем обеспечить того, чтобы они все велись на должном уровне. Товарищ Сталин назвал как самый худший из толстых журналов «Новый мир», за ним идет снизу «Звезда». Относительно лучшим или самым лучшим товарищ Сталин считает журнал «Знамя», затем «Октябрь», «Звезда», «Новый мир». Товарищ Сталин указывал, что для всех четырех журналов не хватает талантливых произведений, произведений значительных, и что это уже показывает, что количество журналов велико у нас, в частности он указывал на целый ряд слабых произведений, указывал на то, что в «Звезде» появилась «Дорога времени», затем «Под стенами Берлина» Иванова. Товарищ Сталин дал хорошую оценку «За тех, кто в море».

Что касается критики, то товарищ Сталин дал такую оценку, что никакой критики у нас нет, а те критики, которые существуют, они являются критиками на попечении у тех писателей, которых они обслуживают, рептилии критики по дружбе. Задача их заключается в том, чтобы хвалить кого-либо, а всех остальных ругать, и что если мы хотим говорить относительно оживления критики, то мы должны начать это не с оживления ведомственной критики. Мы ставили этот вопрос, чтобы в толстых журналах сосредоточить критику, но из этого ничего не вышло, критика у нас не оживилась.

Товарищ Сталин поставил вопрос о художественной литературе, о состоянии таких участков, как кино, театр, искусство, художественная литература. Товарищ Сталин поставил вопрос о том, что эту критику мы должны организовать отсюда — из Управления пропаганды, т.е. Управление пропаганды и должно стать ведущим органом, который должен поставить дело литературной критики. Поэтому тов. Сталин поставил вопрос о том, чтобы создать такого рода газету и создать кадры критиков вокруг Управления пропаганды и в составе Управления пропаганды, ибо тов. Сталин говорил о том, что нам нужна объективная, независимая от писателя критика, т.е. критика, которую может организовать только Управление пропаганды, объективная критика невзирая на лица, не пристрастная, поскольку тов. Сталин прямо говорил, что наша теперешняя критика является пристрастной"⁴².

Бросается в глаза неприкрытая неприязнь вождя к писателю Зощенко. На заседании Оргбюро он заявил о нем: "Вся война прошла, все народы обливались кровью, а он ни одной строки не дал. Пишет он чепуху какую-то, прямо издава-

⁴¹ Власть и художественная интеллигенция. С. 574.

⁴² Власть и художественная интеллигенция. С. 549.

тельство. Война в разгаре, а у него ни одного слова ни за, ни против, а пишет всякие небылицы, чепуху, ничего не дающую ни уму, ни сердцу. Он бродит по разным местам, суется в одно место, в другое, а вы податливы очень. Хотели журнал сделать интересным, и даете ему место, а из-за этого вам попадает, и не могут быть напечатаны произведения наших людей. Мы не для того советский строй строили, чтобы людей обучали пустяковине”⁴³.

Любопытный диалог вождя с одним из руководителей ленинградских писателей Прокофьевым, пытавшимся как-то защитить А. Ахматову, имел место во время этого заседания Оргбюро. Приведу лишь один эпизод:

“ПРОКОФЬЕВ. Относительно стихов. Я считаю, что не является большим грехом, что были опубликованы стихи Анны Ахматовой. Эта поэтесса с небольшим голосом и разговоры о грусти, они присущи советскому человеку.

СТАЛИН. Анна Ахматова, кроме того, что у нее есть старое имя, что еще можно найти у нее?

ПРОКОФЬЕВ. В сочинениях послевоенного периода можно найти ряд хороших стихов. Это стихотворение «Первая дальнобойная» о Ленинграде.

СТАЛИН. 1–2–3 стихотворения и обчелся, больше нет.

ПРОКОФЬЕВ. Стихов на актуальную тему мало, но она поэтесса со старыми устоями, уже утвердившимися мнениями и уже не сможет, Иосиф Виссарионович, дать что-то новое.

СТАЛИН. Тогда пусть печатается в другом месте где-либо, почему в «Звезде»?

ПРОКОФЬЕВ. Должен сказать, что то, что мы отвергли в «Звезде», печаталось в «Знамени».

СТАЛИН. Мы и до «Знамени» доберемся, доберемся до всех”, – зловеще заключил Сталин.⁴⁴ И мало кто сомневался в том, что будет сделано так, как пообещал вождь.

В литературных кругах того времени довольно прочно утвердились мнение, что причиной неприязни вождя к Ахматовой была обычная человеческая зависть или ревность – трудно найти подходящее определение. По словам Л.К. Чуковской, она полагала также, что Сталин приревновал ее к овациям: в апреле 1946 года Ахматова читала свои стихи в Колонном зале, в Москве, и публика аплодировала стоя. Аплодисменты стоя причитались, по убеждению Сталина, ему одному – вдруг толпа устроила овацию какой-то поэтессе. По слухам, Сталин был разгневан пылким приемом, который оказывали Ахматовой слушатели. Согласно одной из версий, Сталин спросил после какого-то вечера: “Кто организовал вставание?”

Трудно судить, насколько правдоподобны такие слухи. Лично мне они кажутся весьма сомнительными. Как-то не укладывается в сознании, что Сталин, имя которого гремело на весь мир, мог испытывать чувство зависти к аплодисментам в адрес поэтессы.

Нужно сказать, что обиженными и даже оскорблёнными считали себя многие литераторы, о чем свидетельствуют сводки-донесения агентуры госбезопасности Сталину о реакции писателей на постановление. Однако публично высказывалось лишь одобрение принятому решению. Только М. Зощенко осмелился выступить в свою защиту, вернее, написать в августе 1946 года письмо вождю, в

⁴³ Власть и художественная интеллигенция. С. 570.

⁴⁴ Власть и художественная интеллигенция. С. 571–572.

котором он дезавуировал обвинения в свой адрес. В заключение своего послания Сталину он написал: "Я ничего не ищу и не прошу никаких улучшений в моей судьбе. А если и пишу Вам, то с единственной целью несколько облегчить свою боль. Мне весьма тяжело быть в Ваших глазах литературным пройдохой, низким человеком или человеком, который отдавал свой труд на благо помешников и банкиров. Это ошибка. Уверяю Вас.

Мих. Зощенко"⁴⁵.

Другой главный персонаж принятого постановления – А. Ахматова – обратилась с личным письмом к Сталину лишь в апреле 1950 года. Причем письмо ее касалось совсем не литературных дел, а судьбы ее сына. Вот текст этого письма:

"24 апреля 1950 г.

Глубокоуважаемый Иосиф Виссарионович!

Вправе ли я просить Вас о снисхождении к моему несчастью.

6 ноября 1949 г. в Ленинграде был арестован мой сын, Лев Николаевич Гумилев, кандидат исторических наук. Сейчас он находится в Москве (в Лефортове).

Я уже стара и больна и я не могу пережить разлуку с единственным сыном.

Умоляю Вас о возвращении моего сына. Мой лучшей мечтой было увидеть его работающим во славу советской науки.

Служение Родине для него, как и для меня, священный долг.

Анна Ахматова"⁴⁶.

Никакого ответа она, конечно, не получила.

Отвлекаясь несколько в сторону, хочу принести покаяние в связи с тем, что во втором томе моей трилогии о Сталине я дал совершенно ошибочное толкование одному из ее шагов, предпринятых в это примерно время. Процитировав хвалебные строки в ее стихотворении о Сталине, я задавал риторический вопрос: чем руководствовалась она, когда писала этот стих? Я не допускал даже мысли, что это было продиктовано чувством холуйского подхалимажа, ибо она была выше этого. Значит, все же в основе лежали другие мотивы, скорее всего – вполне искренние, а не навязанные свыше.

Так писал я тогда. Сейчас для меня совершенно ясно, что главным мотивом, толкнувшим ее написать хвалебное в адрес вождя стихотворение, было простое человеческое чувство – как-то облегчить участь своего сына, найти с этой стороны подход к сердцу бессердечного вождя. И едва ли у кого-нибудь хватит совести и ума упрекнуть ее за это политическое лицемерие – она просто пыталась спасти своего сына. И в этом нет и не могло быть ничего позорного или недозволенного нравственными нормами и принципами. Осуждать ее способен лишь тот, кто вообще лишен чувства сострадания.

Проводя исключительно жесткую и порой выходящую за рамки разумного политику в области литературы, Сталин вместе с тем стремился создать о себе впечатление как о человеке, который на первое место, помимо сугубо идеологических критериев, ставит правдивость, объективность и достоверность. Известны случаи, когда при обсуждении выдвинутых на соискание сталинских премий произведений, он демонстративно упрекал авторов отдельных произведений в нарушении исторической правды и требовал исправлять такие моменты. Так, он отметил в качестве недостатка повести Э. Казакевича то, что в ней не отражена

⁴⁵ Власть и художественная интеллигенция. С. 597–598.

⁴⁶ Власть и художественная интеллигенция. С. 662.

роль маршала Жукова. А последний, начиная с 1946 года, находился в опале у Сталина. Причины этой опалы одни видят в чувстве ревности по отношению к Жукову, которого негласно считали главным полководцем войны, тем самым якобы принижая самого вождя или ставя маршала Жукова на одну доску с самим Сталиным. Приведу иллюстрацию такой (возможно, чисто показной, демонстративной) объективности Сталина.

— В романе есть недостатки, — сказал Stalin, заключая обсуждение “Весны на Одере”. — Не все там верно изображено: показан Рокоссовский, показан Конев, но главным фронтом там, на Одере, командовал Жуков. У Жукова есть недостатки, некоторые его свойства не любили на фронте, но надо сказать, что он воевал лучше Конева и не хуже Рокоссовского. Вот эта сторона в романе товарища Казакевича неверная. Есть в романе член Военного совета Сизокрылов, который делает там то, что должен делать командующий, заменяет его по всем вопросам. И получается пропуск, нет Жукова, как будто его и не было. Это неправильно. А роман “Весна на Одере” талантливый. Казакевич писать может и пишет хорошо. Как же тут решать вопрос? Давать или не давать ему премию? Если решить этот вопрос положительно, то надо сказать товарищу Казакевичу, чтобы он потом это учел и исправил, неправильно так делать. Во всяком случае так пропускать, как он пропустил, — значит делать неправильно”⁴⁷.

Завершивший этот затянувшийся раздел мне хотелось бы оценкой того, как Stalin разбирался в литературе, данной Симоновым. Эта оценка может помочь читателю лучше понять и характер чистки в литературе, которая осуществлялась при Stalinе.

Симонов писал: “Прежде всего он действительно любил литературу, считал ее самым важным среди других искусств, самым решающим и в конечном итоге определяющим все или почти все остальное. Он любил читать и любил говорить о прочитанном с полным знанием предмета. Он помнил книги в подробностях. Где-то у него была — для меня это несомненно — некая собственная художественная жилка, может быть, шедшая от юношеского занятия поэзией, от пристрастия к ней, хотя в общем-то он рассматривал присуждение премий как политик, как дело прежде всего политическое, и многочисленные его высказывания, которые я слышал, подтверждают это. В то же время некоторые из этих книг он любил как читатель, а другие нет. Вкус его отнюдь не был безошибочен. Но у него был свой вкус. Не буду строить домыслов насчет того, насколько он любил Маяковского или Пастернака, или насколько серьезным художником считал Булгакова. Есть известные основания считать: и в том, и в другом, и в третьем случае вкус не изменил ему. В других случаях изменял. Резкая, нервная манера письма, полная преувеличений, гиперболических подробностей, свойственная, скажем, Васильевской, была ему по душе. Он любил эту писательницу и горчился, когда она кому-то не нравилась. В то же время ему нравились вещи совершенно другого рода: книги Казакевича, “В окопах Сталинграда” Некрасова.

Оценки Симонова в его чрезвычайно интересной, правдивой книге о Сталине и событиях, связанных с политикой вождя в сфере литературы, проливают свет на многие факты и события. Приведенная выше точка зрения Симонова также взята из его работы, цитированной выше. Мне остается лишь выразить свое восхищение этой книгой, а заодно и указать источник, из которого взята приведенная выше цитата: журнал “Знамя”. 1988 г. С. 79. Здесь, на проблемах литературы, я полагаю, можно поставить точку, хотя, конечно, этот раздел оставляет желать лучшего исполнения.

⁴⁷ Константин Симонов. Глазами человека моего поколения. “Знамя”. 1988 г. № 4. С.76.

Кино и театр

Сталин, безусловно, любил и высоко ценил искусство кино и театра. Это признают все, кто сталкивался с ним и имел возможность наблюдать за его реакцией на то или иное произведение — будь то фильм, театральная постановка, концерт, сольные выступления известных певцов, ансамблей и т.д. Художественные вкусы вождя не носили экстравагантного характера и не выходили за рамки традиционных. Но тем не менее его сугубо личные симпатии и антипатии, а также пристрастия или откровенная неприязнь откладывали свой тяжелый отпечаток на то, как складывалась обстановка в мире искусства. В каком-то смысле его вкусы постепенно превращались в доминирующий фактор, определявший многое как в области кино, театра, музыки и т.д. Это явление — явно аномальное, а в условиях безраздельного господства, если так можно выразиться, монополии в области духовной жизни, данное обстоятельство превращалось в серьезный тормоз как общего развития так и многообразия художественного творчества. Поскольку по самой своей природе оно не приемлет никакой монополии — ни монополии власти, ни монополии идеологии, ни монополии политики, не говоря уже о разного рода сугубо конъюнктурных факторах. Отсюда и проискали многие крайне негативные явления, характеризовавшие творческую жизнь советского общества в сталинскую эпоху.

Сам вождь, как я уже упоминал, любил литературу и искусство. Для иллюстрации его художественных предпочтений приведу высказывание А. Громыко, который имел не раз возможность убедиться в этом. А. Громыко писал:

“Когда разговор заходит о Сталине, задают иногда вопрос:

— Как он относился к искусству, литературе, особенно художественной?

Думаю, едва ли кто-нибудь возьмется дать на этот вопрос точный ответ. Мои собственные впечатления сводятся к следующему.

Музыку Сталин любил. Концерты, которые устраивались в Кремле, особенно с участием вокалистов, он воспринимал с большим интересом, аплодировал артистам. Причем любил сильные голоса, мужские и женские. С увлечением он — я был свидетелем этого — слушал классическую музыку, когда за роялем сидел наш выдающийся пианист Эмиль Гилельс. Восторженно отзывался о некоторых солистах Большого театра, например об Иване Семеновиче Козловском.

Помню, как во время выступления Козловского на одном из концертов некоторые члены Политбюро стали громко выражать пожелание, чтобы он спел задорную народную песню. Stalin спокойно, но во всеуслышание сказал:

— Зачем нажимать на товарища Козловского. Пусть он исполнит то, что сам желает. А желает он исполнить арию Ленского из оперы Чайковского “Евгений Онегин”.

Все дружно засмеялись, в том числе и Козловский. Он сразу же спел арию Ленского. Stalinский юмор все воспринимали с удовольствием.

Что касается литературы, то могу определенно утверждать, что Stalin читал много. Его начитанность, эрудиция проявлялись не только в выступлениях. Он знал неплохо русскую классическую литературу. Любил, в частности, произведения Гоголя и Салтыкова-Щедрина. Труднее мне говорить о его знаниях в области иностранной литературы. Но, судя по моим некоторым наблюдениям, Stalin был знаком с книгами Шекспира, Гейне, Бальзака, Гюго, Ги де Мопассана — и последнего очень хвалил, — а также с произведениями многих других западноевропейских писателей. По всей видимости, много книг прочитал и по истории. В

его речах часто содержались примеры, которые можно привести только в том случае, если знаешь соответствующий исторический источник”⁴⁸.

Но, как говорится, вкусы вкусами, а политика в области духовной жизни общества – это нечто иное. И здесь Сталин проявлял себя до крайности жестким, придирчивым и непримиримым. Он не жалел самых убийственных эпитетов, когда речь шла об оценке произведения, которое, по его мнению, было политически вредным и противоречило так называемому курсу партии в области духовной жизни. Здесь я остановлюсь на нескольких постановлениях ЦК партии по вопросам кино и театра, а также приведу наиболее характерные эпизоды, раскрывающие суть подходов Сталина к кинофильмам и вообще произведениям художественного творчества.

Еще во время войны, в феврале 1944 года, было принято партийное постановление “Об антиленинских ошибках и националистических извращениях в киноповести Довженко “Украина в огне”. При принятии этого постановления Сталин лично и самым детальным образом формулировал основные обвинения, ставившиеся в вину талантливейшему украинскому режиссеру А. Довженко. Stalin, в частности, ставил в вину режиссеру следующее:

“Тов. Довженко написал киноповесть под названием “Украина в огне”. В этой киноповести, мягко выражаясь, ревизуется ленинизм, ревизуется политика нашей партии по основным, коренным вопросам. Киноповесть Довженко, содержащая грубейшие ошибки антиленинского характера, – это откровенный выпад против политики партии. Что это действительно так, в этом может убедиться всякий, кто прочтет повесть Довженко “Украина в огне”. Довженко предположил своей киноповести небольшое, но весьма показательное предисловие. В этом предисловии имеются такие строки: “Если в силу остроты моих переживаний, сомнений или заблуждений сердца какие-либо суждения мои окажутся несвоевременными, или слишком горькими, или недостаточно уравновешенными другими суждениями, то это, возможно, так и есть”⁴⁹.

Обвинение, мягко говоря, в условиях войны было такое, что его можно было бы посчитать и своего рода приговором. Ибо в тех условиях попытка ревизовать политику партии по основным вопросам являлась равносильной преступлению политического характера. Но этого обвинения вождю показалось недостаточно. Он дополняет перечень прегрешений режиссера: “В своей киноповести Довженко критикует политику партии в области колхозного строительства. Он изображает дело так, будто бы колхозный строй убил в людях человеческое достоинство и чувство национальной гордости, ослабил силу и стойкость советского народа”⁵⁰.

Сталин расширяет круг обвинений, присовокупляя к ним обвинение в национализме, которое также считалось тогда особенно опасным: “Далее, националистическая пелена настолько застлала сознание Довженко, что он перестал видеть ту, для всех очевидную, огромную воспитательную работу, которую проделала наша партия в народе по развитию его политического самосознания и повышению его культуры. Только человек, рассматривающий с предвзятых, антиленинских позиций великую созидающую, прогрессивную работу нашей партии и нашего государства, может не заметить того огромного роста сплоченности,

⁴⁸ А.А. Громыко. Памятное. Книга первая. С. 203–204.

⁴⁹ “Литературный фронт”. История политической цензуры 1932–1946 гг. Сборник документов. М. 1994. С. 112.

⁵⁰ “Литературный фронт”. С. 116.

политической активности, сознания и культурности советского народа, который стал возможным на почве наших общих успехов”⁵¹.

И заканчивает вождь в духе, который нам уже хорошо знаком по предшествующим его высказываниям. “Довженко пытается со своих националистических позиций критиковать и поучать нашу партию. Но откуда у Довженко такие претензии? Что он имеет за душой, чтобы выступать против политики нашей партии, против ленинизма, против интересов всего советского народа. С ним не согласимся мы, не согласится с ним и украинский народ. Стоило бы только напечатать киноповесть Довженко и дать прочесть народу, чтобы все советские люди отвернулись от него, разделяли бы Довженко так, что от него осталось бы одно мокрое место. И это потому, что националистическая идеология Довженко расчитана на ослабление наших сил, на разоружение советских людей, а ленинизм, то есть, идеология большевиков, которую позволяет себе критиковать Довженко, рассчитана на дальнейшее упрочение наших позиций в борьбе с врагом, на нашу победу над злейшим врагом всех народов Советского Союза – немецкими империалистами”⁵².

Это было в период войны. После войны внимание Сталина к кино, я бы сказал, значительно усилилось, ибо он превосходно понимал, насколько велика роль киноискусства в формировании духовного облика советского общества, каждого советского человека. По инициативе Сталина в создании кинофильмов был сделан сдвиг в сторону исторической тематики: по его указанию режиссерами был создан ряд кинокартин, посвященных видным деятелям российской истории – полководцам, ученым, деятелям культуры и т.д. – например, “Адмирал Нахимов”, “Пирогов” и др. Это, разумеется, не означало, что в тени оставались темы современности. И здесь, как обнаружил Сталин, имелись серьезные ошибки и провалы. Это видно на примере постановления ЦК партии о второй серии фильма “Большая жизнь”, принятого в сентябре 1946 года при участии Сталина. Он лично критиковал этот фильм, детально разбирая отдельные эпизоды и давал им соответствующую оценку. В целом этот фильм был квалифицирован как порочный в идеино-политическом и крайне слабый в художественном отношении.

В чем вождь увидел основные пороки этого фильма?

В постановлении говорилось:

“В чем состоят пороки и недостатки фильма «Большая жизнь»?

В фильме изображен лишь один незначительный эпизод первого приступа к восстановлению Донбасса, который не дает правильного представления о действительном размахе и значении проведенных Советским государством восстановительных работ в Донецком бассейне...

Фильм «Большая жизнь» проповедует отсталость, бескультурье и невежество. Совершенно немотивированно и неправильно показано постановщиками фильма массовое выдвижение на руководящие посты технически малограмотных рабочих с отсталыми взглядами и настроениями. Режиссер и сценарист фильма не поняли, что в нашей стране высоко ценятся и смело выдвигаются люди культурные, современные, хорошо знающие свое дело, а не люди отсталые и некультурные...”⁵³

В итоге выход второй серии фильма на экран был запрещен.

⁵¹ “Литературный фронт”. С. 116–117.

⁵² “Литературный фронт”. С. 121.

⁵³ Власть и художественная интеллигенция. С. 598–599.

Я не стану в деталях рассматривать другие постановления, касающиеся кино, а остановлюсь более детально на беседе Сталина с режиссером фильма "Иван Грозный" Э.Эйзенштейном и актером Н. Черкасовым – главными создателями фильма. Но прежде несколько ремарок Сталина при обсуждении фильма на заседании Оргбюро ЦК ВКП(б) в 1946 году. Вождь упрекал создателей фильма в том, что они недобросовестно отнеслись к своей работе. "Получается общее впечатление, что постановщики и режиссеры очень мало работают над предметами, которые хотят демонстрировать, очень легко относятся к своим обязанностям. Я бы сказал, что иногда эта легкость доходит до преступности. Люди предмет не изучают, дело не представляют, а пишут сценарий. Это недобросовестное отношение... У нас есть, например, поэты, которые в месяц могут две поэмы написать, а вот возьмите Гете, он 30 лет работал над «Фаустом», до того честно и добросовестно относился к своему делу. Легкое отношение к делу со стороны авторов некоторых произведений является основным пороком, который приводит режиссеров и постановщиков к выпуску таких фильмов"⁵⁴.

Касаясь второй серии фильма "Иван Грозный", Сталин заявил: "Не знаю, видел ли кто его, я смотрел, – омерзительная штука! Человек совершенно отвлекся от истории. Изобразил опричников, как последних паршивцев, дегенераторов, что-то вроде американского Ку-Кlux-Клана. Эйзенштейн не понял того, что войска опричнины были прогрессивными войсками, на которые опирался Иван Грозный, чтобы собрать Россию в одно централизованное государство, против феодальных князей, которые хотели раздробить и ослабить его. У Эйзенштейна старое отношение к опричнине. Отношение старых историков к опричнине было грубо отрицательным, потому что репрессии Грозного они расценивали, как репрессии Николая Второго, и совершенно отвлекались от исторической обстановки, в которой это происходило. В наше время другой взгляд на опричнину. Россия, раздробленная на феодальные княжества, т.е. на несколько государств, должна была объединиться, если не хотела подпасть под татарское иго второй раз. Это ясно для всякого и для Эйзенштейна должно было быть ясно. Эйзенштейн не может не знать этого, потому что есть соответствующая литература, а он изобразил каких-то дегенераторов. Иван Грозный был человеком с волей, с характером, а у Эйзенштейна он какой-то безвольный Гамлет. Это уже формалистика. Какое нам дело до формализма, – вы нам дайте историческую правду"⁵⁵.

А теперь несколько пассажей из беседы Сталина с Эйзенштейном и Черкасовым, которая состоялась в феврале 1947 года. Эти пассажи любопытны и интересны не только с точки зрения того, как вождь оценивал сам фильм и его пороки. Они помогают лучше понять взгляды Сталина не только на российскую историю вообще, но и на то, что необходимо внедрять в сознание народа высокий дух патриотизма, гордости за свою отчизну, величие ее исторической роли и предназначения.

Сталин. Царь у вас получился нерешительный, похожий на Гамлета. Все ему подсказывают, что надо делать, а не он сам принимает решения... Царь Иван был великий и мудрый правитель, и если его сравнить с Людовиком XI (вы читали о Людовике XI, который готовил абсолютизм для Людовика XIV?), то Иван Грозный по отношению к Людовику на десятом небе. Мудрость Ивана Грозного состояла в том, что он стоял на национальной точке зрения и иностранцев в свою

⁵⁴ И. Стalin. Соч. Т. 18. С. 421.

⁵⁵ И. Стalin. Соч. Т. 18. С. 422.

страну не пускал, ограждая страну от проникновения иностранного влияния. В показе Ивана Грозного в таком направлении были допущены отклонения и неправильности. Петр I – тоже великий государь, но он слишком либерально относился к иностранцам, слишком раскрыл ворота и допустил иностранное влияние в страну, допустив онемечивание России. Еще больше допустила его Екатерина. И дальше. Разве двор Александра I был русским двором? Разве двор Николая I был русским двором? Нет. Это были немецкие дворы”⁵⁶.

В этих словах Сталина содержится целостная программа намечавшейся им кампании по борьбе против преклонения перед заграницей, программа укрепления державных позиций Российского государства. И трудно в этом усмотреть какой-то исторический криминал.

Далее Сталин высказал свое более чем позитивное отношение к тем преследованиям и казням, которые совершались во время царствования Ивана Грозного. Здесь он коренным образом пересмотрел утвердившуюся прежде в советской исторической науке негативную оценку политики Ивана Грозного. “Иван Грозный был очень жестоким. Показывать, что он был жестоким можно, но нужно показать, почему необходимо быть жестоким, – сделал на этом акцент Сталин. – Одна из ошибок Ивана Грозного состояла в том, что он не дорезал пять крупных феодальных семейств. Если он эти пять боярских семейств уничтожил бы, то вообще не было бы Смутного времени. А Иван Грозный кого-нибудь казнил и потом долго каялся и молился. Бог ему в этом деле мешал... Нужно было быть еще решительнее”⁵⁷.

Вне поля внимания вождя не остались даже с первого взгляда мелочи. Он, например, замечает: “Нужно показывать исторические фигуры правильно по стилю. Так, например, в первой серии не верно, что Иван Грозный так долго целуется с женой. В те времена это не допускалось”⁵⁸.

В заключение беседы Сталин считал необходимым вновь возвратиться к оценке личности и исторической роли Ивана Грозного. Он еще раз подчеркнул, что Иван Грозный был более национальным царем, более предусмотрительным, он не впускал иностранное влияние в Россию, а вот Петр – открыл ворота в Европу и напустил слишком много иностранцев.

Разговор кончается тем, что Сталин желает успеха и говорит: «Помогай бог!»⁵⁹

И в то время многим было ясно, что Сталин намеренно акцентировал внимание на фигуре царя, на его репрессиях, на его неприязни к проникновению иностранцев в Россию и на других моментах, приобретавших в тот период все большее политическое звучание. Вождь, конечно, мысленно проводил параллель между собой и Иваном Грозным, хотя именно ему принадлежит фраза, что исторические параллели всегда рискованны. Но в данном случае он ничем не рисковал, ибо такие параллели напрашивались сами собой и приходили на ум не только сторонникам Сталина, но и его противникам. Вождь хотел, чтобы зрители видели в Иване Грозном жестокого, но справедливого правителя. Такого правителя, каким он представлял и сам себя:

Остается широкими мазками обрисовать политику Сталина в области театрального искусства. Она в данном случае мало чем по своему существу отличает-

⁵⁶ И. Сталин. Соч. Т. 18. С. 433–434.

⁵⁷ И. Сталин. Соч. Т. 18. С. 434.

⁵⁸ И. Сталин. Соч. Т. 18. С. 434.

⁵⁹ И. Сталин. Соч. Т. 18. С. 440.

ся от политики в других сферах духовной жизни общества времен правления Сталина. Наиболее концентрированное выражение эта политика нашла в постановлении ЦК партии "О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению" от 26 августа 1946 г. Постановление признало состояние репертуара театров неудовлетворительным. Главный недостаток состояния репертуара драматических театров заключается в том, что пьесы советских авторов на современные темы оказались фактически вытесненными из репертуара крупнейших драматических театров страны... Явно ненормальное положение с репертуаром еще более усугубляется тем, что и среди небольшого количества пьес на современные темы, поставленных театрами, имеются пьесы слабые, безыдейные (далее следует перечисление некоторых пьес, поставленных театрами). Как правило, советские люди в этих пьесах изображаются в уродливо-карикатурной форме, примитивными и малокультурными, с обывательскими вкусами и нравами...

К тому же многие театры безответственно относятся к постановкам спектаклей о советской жизни. Нередко руководители театров поручают ставить эти спектакли второстепенным режиссерам, привлекают к игре слабых и неопытных актеров, не уделяют должного внимания художественному оформлению театральных постановок, вследствие чего спектакли на современные темы получаются серыми и малохудожественными. Все это приводит к тому, что многие драматические театры не являются на деле рассадниками культуры, передовой советской идеологии и морали. Такое положение дел с репертуаром драматических театров не отвечает интересам воспитания трудящихся и не может быть терпимо в советском театре.⁶⁰

Сталин считал, что одной из важных причин крупных недостатков в репертуаре драматических театров является неудовлетворительная работа драматургов. Многие драматурги стоят в стороне от коренных вопросов современности, не знают жизни и запросов народа, не умеют изображать лучшие черты и качества советского человека. Перед драматургами и работниками театров была поставлена задача: создать яркие, полноценные в художественном отношении произведения о жизни советского общества, о советском человеке. Драматурги и театры должны отображать в пьесах и спектаклях жизнь советского общества в ее непрестанном движении вперед, всячески способствовать дальнейшему развитию лучших сторон характера советского человека, с особой силой выявившихся во время Великой Отечественной войны.⁶¹

Музыка

Конечно, не осталось вне зоны зубодробительной критики и положение в области музыкального искусства. 10 февраля 1948 г. было принято постановление Политбюро "Об опере "Великая дружба" В. Мурадели". В постановлении отмечалось, что поставленная Большим театром Союза ССР в дни 30-й годовщины Октябрьской революции опера, является порочным как в музыкальном, так и в сюжетном отношении, антихудожественным произведением. Основные недостатки авторы постановления узрели прежде всего в музыке оперы. Музыка оперы невыразительна, бедна. В ней нет ни одной запоминающейся мелодии или

⁶⁰ Власть и художественная интеллигенция. С. 591–592.

⁶¹ Власть и художественная интеллигенция. С. 593–594.

арии. Она сумбурна и дисгармонична, построена на сплошных диссонансах, на режущих слух звукосочетаниях. Не обошлось и без обвинений почти политического свойства. Так, в постановлении указывалось, что исторически фальшивой и искусственной является фабула оперы, претендующая на изображение борьбы за установление советской власти и дружбы народов на Северном Кавказе в 1918–1920 гг.⁶²

Чрезвычайно суровой и резкой была оценка положения в сфере музыкального искусства большого жанра. В постановлении отмечалось, что особенно плохо обстоит дело в области симфонического и оперного творчества. Речь идет о композиторах, придерживающихся формалистического, антинародного направления. Это направление нашло свое наиболее полное выражение в произведениях таких композиторов, как тт. Д. Шостакович, С. Прокофьев, А. Хачатурян, В. Шебалин, Г. Попов, Н. Мясковский и др., в творчестве которых особенно наглядно представлены формалистические извращения, антидемократические тенденции в музыке, чуждые советскому народу и его художественным вкусам. Характерными признаками такой музыки является отрицание основных принципов классической музыки, проповедь атональности, диссонанса и дисгармонии, являющихся якобы выражением «прогресса» и «новаторства» в развитии музыкальной формы, отказ от таких важнейших основ музыкального произведения, какой является мелодия, увлечение сумбурными, невропатическими сочетаниями, превращающими музыку в какофонию, в хаотическое нагромождение звуков. Эта музыка сильно отдает духом современной модернистской буржуазной музыки Европы и Америки, отображающей маразм буржуазной культуры, полное отрицание музыкального искусства, его тупик.⁶³

Финальный вердикт был столь же лаконичным, сколь и традиционным: осудить формалистическое направление в советской музыке, как антинародное и ведущее на деле к ликвидации музыки.

В порядке, так сказать, морально-психологической подготовки к восприятию постановления об опере Мурадели в январе 1948 года в ЦК партии под руководством А. Жданова состоялось совещание по вопросам музыки, основная цель которого состояла в том, чтобы вдолбить в сознание недогадливых композиторов то, что от них требовалось, а именно: взять на вооружение идеи и положения, которые через пару недель были сформулированы в постановлении. Это зубодробительное постановление должно было стать своеобразным маяком, указывающим верный путь дальнейшего развития музыкального искусства в Советской России. То, что именно эта опера оказалась объектом ожесточенных нападок и истерической критики, послужило, видимо, тому обстоятельству, что она была написана к 30-летию Советского государства и должна была стать ярким примером успешного развития советского музыкального искусства, равно как и торжества принципа дружбы народов.

Но за дело взялись такие «компетентные» не только в области музыки, но и вообще во всех сферах искусства и культуры деятели, как А. Жданов. Не случайно в историю нашей страны прочно вошло понятие «ждановщина». В этом понятии как бы в концентрированном виде соединены все негативные стороны политики Сталина в духовной сфере, выразившиеся в серии различных кампаний, затрагивавших почти все основные области культуры, искусства и науки. Сейчас

⁶² Власть и художественная интеллигенция. С. 630.

⁶³ Власть и художественная интеллигенция. С. 631.

кажется нелепым и даже оскорбительным для самой культуры тот факт, что ею безраздельно командовали столь узко и односторонне мыслящие люди, как Жданов. Но Сталин не случайно главную роль в "наведении порядка на идеологическом фронте" возложил на Жданова. Тот беспрекословно выполнял все указания вождя, порой доводя их до абсурда. Его имя стало ассоциироваться с организатором идеологических погромов, что в принципе недалеко от истины. Прошли 60 лет, а его зубодробительные и беспапельационные суждения о литературных и художественных произведениях того периода до сих пор не забыты.

Достаточно привести несколько иллюстративных примеров, чтобы представить себе, с какой беспапельационностью Жданов выносил свои вердикты по вопросам, явно выходящим за пределы его компетентности. "Говоря об основных недостатках оперы, необходимо прежде всего сказать о ее музыке. В музыке оперы нет ни одной запоминающейся мелодии. Музыка не доходит до слушателя. Не случайно довольно значительная и достаточно квалифицированная аудитория, состоявшая не менее чем из 500 человек, не реагировала в течение спектакля ни на одно место в опере.

Музыка оперы оказалась очень бедной. Замена мелодичности нестройными и вместе с тем очень шумными импровизациями привела к тому, что опера по большей части представляет сумбурный набор крикливых звукосочетаний. Возможности оркестра в опере использованы крайне ограниченно. На значительном протяжении оперы в музыкальном сопровождении участвует лишь несколько инструментов, и только изредка, иногда в самых неожиданных местах, включается весь оркестровый ансамбль в виде бурных и нестройных, зачастую какофонических интервенций, будоражащих нервы слушателя и бурно влияющих на его настроение. Производит гнетущее впечатление негармоничность, несоответствие музыки переживаниям действующих лиц и настроениям и событиям, которые изображаются на сцене в ходе развертывания содержания оперы"⁶⁴.

И, видимо, чтобы как-то рассмешить столь компетентную аудиторию, А. Жанов прибег к плоскому юмору: "Надо сказать прямо, что целый ряд произведений современных композиторов настолько перенасыщен натуралистическими звуками, что напоминает, простите за неизящное выражение, не то бормашину, не то музыкальную душегубку. Просто сил никаких нет, обратите вы на это внимание! (Смех, аплодисменты.)"⁶⁵

Выступавшие композиторы не полемизировали со Ждановым, ибо это было бы неслыханным актом протesta или саботажа. Лишь Д. Шостакович, выступавший, кстати, дважды, полунастеком дал понять партийному боссу, что творить музыкальное произведение – это не промывать мозги людям, которые знают толк в музыке. "Мелодия – гораздо большее: это мысль, это движение, это душа музыкального произведения. Подобрать несколько звуков не так уж трудно, но сделать мелодию очень трудно. Для этого требуется, помимо таланта, еще очень большое умение"⁶⁶.

И уж совсем диссонансом со всем духом выступления Жданова прозвучали следующие слова Д. Шостаковича: "Мне кажется, наша музыка, при большом количестве недостатков и неудачных произведений, все-такидвигается вперед широким фронтом. Широкий фронт – это симфонии, оратории, музыка камер-

⁶⁴ Совещание деятелей советской музыки в ЦК ВКП(б). (Стенограмма.) М. 1948. С. 6.

⁶⁵ Там же. С. 143.

⁶⁶ Совещание деятелей советской музыки в ЦК ВКП(б). С. 160.

ная, песенная, романсовая и так далее. Я не знаю такого хода широким фронтом музыкального искусства в других странах, за рубежом нашего отечества. Нет этого там. Это возможно только у нас”⁶⁷.

На этом я завершу беглый обзор политических кампаний Сталина в сфере литературы, театра, кино и музыки. Прежде чем делать общие выводы и оценки, необходимо хотя бы вкратце остановиться на дискуссиях по вопросам различных направлений науки, которые велись примерно в это же время.

Дискуссии в отдельных областях науки

Прежде чем дать краткий обзор некоторых дискуссий в отдельных областях науки, следует сразу же сделать важную оговорку. В отечественной и зарубежной исторической литературе общепринятым считается мнение, что все дискуссии в этой сфере являлись от начала до конца проявлением произвола Сталина и что они принесли только вред дальнейшему развитию различных направлений научной деятельности. На мой взгляд, такая оценка грешит явной предвзятостью и не соответствует действительности. Разумеется, некоторые из этих дискуссий, особенно в области биологии, нанесли серьезный ущерб и серьезно затормозили движение вперед в некоторых научных областях. Однако они имели и положительные элементы, поскольку, во-первых, повернули внимание всего общества к проблемам научного развития; во-вторых, в ряде научных областей способствовали ликвидации ситуации, при которой отдельные монопольные группы ученых, как говорится, зажимали рот всем, кто расходился с ними в интерпретации той или иной научной проблемы. Последнее обстоятельство было особенно важным в условиях, когда научное творчество и без того находилось под неусыпным контролем партийного чиновничества.

Субъективно сам Stalin и не помышлял о том, чтобы нанести какой-либо вред развитию научного творчества и соревнованию различных научных школ, ибо сопоставление и столкновение отличных мнений только способствовало движению вперед. А развитию научной сферы вождь придавал не меньшее значение, чем другим сферах духовной жизни советского общества. Более того, ставка на интенсивное развитие научных исследований во всех областях занимала приоритетное место в глобальных планах вождя, особенно учитывая нараставшее соперничество со странами Запада. Stalin верил в огромный творческий потенциал советских ученых, считая, что они сумеют не только догнать, но и превзойти в ближайшее время достижения науки за пределами нашей страны”⁶⁸.

Ю.А. Жданов – сын А.А. Жданова и некоторое время зять самого Сталина (его дочь Светлана после развода с Г. Морозовым вышла замуж за Ю.А. Жданова*) – многократно имевший беседы со Сталиным по вопросам науки (некоторое время он работал заведующим созданного отдела науки ЦК партии) приводит следующий разговор со Сталиным, состоявшийся в 1947 году.

⁶⁷ Совещание деятелей советской музыки в ЦК ВКП(б). С. 161.

⁶⁸ И.Сталин. Соч. Т.16. С. 15.

* Ю. Жданов в своих воспоминаниях писал, что его тестя был недоволен разводом своей дочери с сыном А. Жданова. “Осенью 1952 года мы разъехались, но сохранили товарищеские отношения. Помню, Светлана передала мне реакцию отца: “Ну и дура! В кой-то веки попался порядочный человек, и не смогла его удержать”. В мемуарах она об этом не вспоминала”.

Ю.А. Жданов. Взгляд в прошлое. Ростов-на-Дону. 2004. С. 74.

Речь шла о перспективах развития высшего образования. Тогда Сталин дал указание о строительстве нового здания Московского университета. А по поводу университетов вообще он высказал следующие соображения:

“Наши университеты после революции прошли три периода.

В первый период они играли ту же роль, что и в царское время. Они были основной кузницей кадров. Наряду с ними лишь в очень слабой мере развивались рабфаки.

Затем, с развитием хозяйства и торговли, потребовалось большое количество практиков, дельцов. Университетам был нанесен удар. Возникло много техникумов и отраслевых институтов. Хозяйственники обеспечивали себя кадрами, но они не были заинтересованы в подготовке теоретиков. Институты съели университеты.

Сейчас у нас слишком много университетов. Следует не насаждать новые, а улучшать существующие.

Нельзя ставить вопрос так: университеты готовят либо преподавателей, либо научных работников. Нельзя преподавать, не ведя и не зная научной работы.

Человек, знающий хорошо теорию, будет лучше разбираться в практических вопросах, чем узкий практик. Человек, получивший университетское образование, обладающий широким кругозором, будет полезнее для практики, чем, например, химик, ничего не знающий, кроме своей химии.

В университеты следует набирать не одну лишь зеленую молодежь со школьной скамьи, но и практиков, прошедших определенный производственный опыт. У них в голове уже имеются вопросы и проблемы, но нет теоретических знаний для их решения.

На ближайший период следует большую часть выпускников оставлять при университетах. Насытить университеты преподавателями”⁶⁹.

Едва ли нужно комментировать данное высказывание Сталина. Он, конечно, смотрел вперед и желал, чтобы с точки зрения подготовки научных кадров наша страна не отставала от западных соперников. В частности, и этим объясняются мотивы развертывания дискуссий в отдельных областях науки.

Начало дискуссиям было положено в 1947 году дискуссией по философии, организованной по инициативе Сталина. Она развернулась на основе обсуждения изданной в 1946 году книги Г.Ф. Александрова “История западноевропейской философии”. Сталин имел в виду привлечь внимание обществоведов к актуальным проблемам марксистско-ленинской философии, активизировать творческую мысль ученых, поднять уровень всей теоретической работы. И хотя сам Сталин непосредственного участия в дискуссии не принимал, основные направления ее критического духа и акценты на те или иные аспекты проблем философии, базировались на его принципиальных установках. В ходе дискуссии был рассмотрен ряд вопросов марксистско-ленинской философии, определены задачи ее развития в связи с практикой и достижениями других наук.

Серьезного исследования требовали объективные законы развития советского социалистического общества. Речь шла как об изучении этих законов, так и об умелом использовании их на практике. Предстояла дальнейшая разработка проблем этики, эстетики, мировоззренческих аспектов естественнонаучных открытий. Первоочередными оставались задачи усиления критики буржуазной идеологии.

⁶⁹ Ю.А. Жданов. Взгляд в прошлое. С. 182.

В докладах и выступлениях критиковались попытки объективистского изложения философской мысли прошлого. Особое внимание было уделено критике преклонения перед философами идеалистического направления, недооценки вклада российских и советских философов в эту науку. Вместе с тем в ходе обсуждения проявилась определенная недооценка преемственности в развитии философской мысли, роли предшественников марксизма. Развитие марксистско-ленинской философии продолжалось в направлении исследования актуальных проблем диалектического и исторического материализма, а также вопросов логики, психологии, систематической разработки истории философии.

Особое место в дискуссиях приобрела дискуссия по **проблемам биологии**, оставившая глубокий и крайне негативный след на этой отрасли науки. Stalin был у истоков этой дискуссии и фактически направлял весь ее ход. Роль злого гения здесь сыграл академик Т.Д. Лысенко, с именем которого стала ассоциироваться самая черная полоса в развитии не только биологии, но советской науки вообще. Дискуссия о положении в биологической науке проходила в рамках сессии Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук имени Ленина (ВАСХНИЛ), где с докладом выступил Лысенко. Еще задолго до начала сессии Stalin однозначно занял позицию в поддержку взглядов Лысенко. Как свидетельствует В.А. Малышев, бывший в то время заместителем председателя Совета Министров, Stalin сказал, что в партии личных взглядов и личных точек зрения нет, а есть взгляды партии. Ю. Жданов поставил своей целью разгромить и уничтожить Лысенко. Это неправильно. “Нельзя забывать, – сказал Stalin, – что Лысенко – это сегодня Мичурин в агротехнике. Нельзя забывать и того, что Лысенко был первым, кто поднял Мичурина как ученого. До этого противники Мичурина называли его замухрышкой, провинциальным чудаком, кустарем и т. д.

Лысенко имеет недостатки и ошибки как ученый и человек, его надо контролировать, но ставить своей задачей уничтожить Лысенко как ученого – это значит лить воду на мельницу разных жебраков” (А. Жебраков – профессор, одно время возглавлял отдел науки ЦК партии – Н.К.).⁷⁰

Stalin по каким-то причинам считал, что Лысенко способен коренным образом изменить положение в области генетики и тем самым сдвинуть с мертвоточки развитие науки, с помощью которой можно быстро поднять сельское хозяйство страны. Еще за год до дискуссии он написал письмо Лысенко, в котором, в частности, говорилось: “Что касается теоретических установок в биологии, то я считаю, что мичуринская установка является единственно научной установкой. Вейсманисты и их последователи, отрицающие наследственность приобретенных свойств, не заслуживают того, чтобы долго распространяться о них. Будущее принадлежит Мичурину.

С уважением И. Stalin
31X47 г.”.⁷¹

Лысенко давал обещания Stalinу о получении урожаев ветвистой пшеницы в 100 центнеров с гектара уже в 1948 году и в доведении посевых площадей под этой пшеницей до 100 тысяч гектаров к 1951 году. Эти проекты оказались неосуществленными. Но все это выяснилось лишь через несколько лет, а пока вождь лично прочитал доклад, подготовленный Лысенко, и внес в него ряд поправок и добавлений. Как пишет Ж. Медведев, Stalin внимательно прочитал все 49 стра-

⁷⁰ “Источник”. 1997 г. № 5. С. 135.

⁷¹ Жорес Медведев, Рой Медведев. Неизвестный Stalin. М. 2001. С. 242.

ниц доклада Лысенко. Он зачеркнул второй раздел доклада, который назывался “Основы буржуазной биологии ложны”. На полях против заявления Лысенко, что “любая наука классовая”, Сталин написал: “ХА-ХА-ХА... А математика? А дарвинизм?” В одном из разделов Лысенко критиковал воззрения Т.Х. Моргана и В.Л. Иоганнсена. Против этого места Сталин написал на полях: “А ВЕЙСМАН?” После этой заметки Сталина Лысенко и его помощники добавили в доклад еще двенадцать абзацев с критикой Вейсмана. Сталин везде удалял термин “буржуазный”. Например, “буржуазное мировоззрение” в докладе Лысенко было заменено на “идеалистическое мировоззрение”, “буржуазная генетика” стала “реакционной генетикой”. В другом разделе доклада Сталин добавил в текст целый новый абзац, который свидетельствовал о том, что ламаркистские взгляды молодого Сталина, заметные в его очерке “Анархизм или социализм” 1906 года, сохранились. Stalin дополнительно вставил в одно из предложений утверждение о том, что положения ламаркизма о наследовании приобретенных признаков вполне научны. “Нельзя отрицать того, — приписал Stalin, — что в споре, разгоревшемся в начале XX в. между вейсманистами и ламаркистами, последние были ближе к истине, ибо они отстаивали интересы науки, тогда как вейсманисты удалились в мистику и порывали с наукой”.⁷²

Выступая с докладом, Лысенко не преминул сказать о том, что его доклад был просмотрен в ЦК партии и получил там одобрение. Вот и попробуй после этого выступить с критикой доклада или самого Лысенко. Вполне естественно, что сессия ВАСХНИЛ полностью одобрила доклад, в котором дан правильный анализ современного положения в биологической науке. В резолюции по докладу указывалось, что в биологической науке определились два диаметрально противоположных направления: одно направление — прогрессивное, материалистическое, мичуринское... другое направление — реакционно-идеалистическое, вейсманистское (менделевско-мортгановское), основателями которого являются реакционные биологи — Вейсман, Мендель, Морган.

Мичуринское направление исходит из того, что новые свойства растений и животных, приобретенные ими под влиянием условий жизни, могут передаваться по наследству. Мичуринское учение вооружает практиков научно-обоснованными методами планомерного изменения природы растений и животных, улучшения существующих и выведения новых сортов сельскохозяйственных культур и пород животных.

...Менделевско-мортгановское направление в биологии продолжает идеалистическое метафизическое учение Вейсмана о независимости природы организма от внешней среды, о так называемом бессмертном “веществе наследственности”. Менделевско-мортгановское направление оторвано от жизни и в своих исследованиях практически бесплодно.⁷³

Но бесплодным оказался сам Лысенко. Как выяснилось впоследствии, материальные потери, которые понесла страна в результате деятельности Лысенко, не поддаются исчислению — так они велики. Около 300 советских ученых в 1955 году написали письмо в правительство, где давалась убийственная характеристика лысенковщины: “Практические предложения Т.Д. Лысенко теснейшим образом связаны с его теоретическими взглядами... — писали ученые. — По существу,

⁷² См. Жорес Медведев, Рой Медведев. Неизвестный Stalin. С. 234.

⁷³ Академик Т.Д. Лысенко. О положении в биологической науке. М., 1948. С. 61–62.

такой же характер имеют генетические взгляды Т.Д. Лысенко, которые он противопоставляет современной генетике.

“Вейсманизм – менделизм – морганизм” – пугало, придуманное Т.Д. Лысенко и его сторонниками; оно создано ими для того, чтобы под предлогом борьбы с идеализмом клеймить своих противников в любых областях биологии и порочить достижения ряда биологических дисциплин: генетики, цитологии, биоценологии, экологии и др... Под фактическим запретом оказалась экспериментальная эмбриология, из физиологии растений вытравлялось учение о фитогормонах, в значительной степени разработанное у нас в стране, но использованное на практике за рубежом... Отставание советской биологии во всех этих разделах; если немедленно не принять меры к его преодолению, неизбежно приведет к отставанию в развитии народного хозяйства и медицины”⁷⁴.

К лету 1952 года наконец сам Сталин убедился в том, что в деле с возвышением Лысенко и установлением фактически монопольной власти последнего в сфере биологической науки, он сильно оплошал. Почему он пришел к такому выводу? Как мне представляется, отсутствие практических результатов говорило само за себя. Вторую причину Ю. Жданов усматривает в следующем. “Есть точка зрения, что процесс катализировали физики-атомщики. В условиях развития атомной промышленности, возникновения радиологической опасности для работников производства, для военных при испытаниях осваиваемого оружия, в условиях угрозы ядерного нападения нужно было иметь надежные, научно-обоснованные методы установления радиационной опасности, средства защиты от излучения. Необходимо было выяснить генетические последствия облучения, разработать методы лечения при радиационной болезни.

В этих условиях ничем не могли помочь натурфилософские рассуждения, ничего не предложили ни Лысенко, ни его последователи.

Необходимо было мобилизовать опыт тех, кто изучал действие радиации, в том числе жесткой, на живые ткани, кто имел опыт исследования рентгеномутантов. Физики требовали развития современной биологии, и в первую очередь генетики.

Очень похоже на то, что развитие атомной промышленности и ядерного оружия оказалось для Сталина решающим аргументом в пользу ликвидации монополии Лысенко”⁷⁵.

Летом 1952 года Сталин дал указание ликвидировать монопольное положение Лысенко в биологической науке. Но сам процесс реализации этого указания занял некоторое время, но фактом является то, что вождь наконец внял голосу здравого смысла.

Однако вред, нанесенный тем явлением, которое получило название лысенковщины, был не только огромным, но – и это весьма важно – он стал, как ядовитые газы, распространяться на некоторые другие отрасли науки. Гонения со стороны Лысенко на своих оппонентов внесли резкое обострение и на других участках науки. Стало планировать проведение аналогичной дискуссии в сфере физики с критикой теории относительности Эйнштейна и физического идеализма в квантовой механике. Некоторые физики из МГУ последовали примеру Лысенко и начали предпринимать атаки на В. Фока, Л. Ландау и других крупных ученых, вносивших огромный вклад в теоретические разработки оборонных проек-

⁷⁴ Хрестоматия по отечественной истории (1946–1995 гг.). М., 1996. С. 459–460.

⁷⁵ Ю.А. Жданов. Взгляд в прошлое. С. 261.

тов. В газетах начали даже публиковать материалы с критикой кибернетики. Словом, идя таким путем, советская наука могла оказаться в болоте. Но этого не случилось, поскольку сами события пошли по другому руслу.

Читатель, вероятно, уже сам сделал вывод о том, что тогда, когда Сталин лично вмешивался в дискуссионные вопросы в областях, где о его компетентности не приходится говорить, результаты оказывались плачевными. Это видно на примере дискуссии о положении в биологической науке. Но в послевоенный период проходили и дискуссии по другим проблемам науки. На всех этих дискуссиях останавливаться нет возможности, тем более, что я, видимо, и так переборщил с детализацией дискуссионных дел. Поэтому в самой лапидарной форме коснусь еще только одной дискуссии, в которой Сталин принимал непосредственное участие и где он, как мне представляется, считал себя более или менее компетентным. Речь идет о дискуссии по вопросам языкоznания.

Эта дискуссия также была организована по инициативе вождя. Он получал много писем от ученых-лингвистов с жалобами на ненормальное, скорее даже гнетущее положение, сложившееся в этой отрасли науки. Суть состояла в том, что в языкоznании безраздельно господствовала так называемая школа академика Н. Марра с его так называемым "новым учением о языке". По совету Сталина один из лингвистов, А. Чикобава, академик Грузинской АН, опубликовал статью, в которой подверг резкой и аргументированной критике ситуацию в сфере языкоznания. Его статья дала сигнал началу дискуссии, в которой четырежды выступал на страницах печати лично Сталин. Конечно, он не был специалистом в этой сфере, но общесоциологические и исторические проблемы языкоznания ему были более или менее знакомы. Тем более, что он в своем определении нации указал на язык как на один из главных признаков нации.

Полагаю, что мне нет смысла вдаваться в детали дискуссии. Остановлюсь лишь на некоторых положениях, сформулированных Сталиным, которые, как мне кажется, носят конструктивный характер и дают объяснение ряду вопросов, стоявших в эпицентре дискуссии. Речь идет о марксистско-ленинской трактовке ряда проблем. В первую очередь Сталин внес ясность в споры о том, к чему отнести язык — к базису или к надстройке. "Язык в этом отношении коренным образом отличается от надстройки. Взять, например, русское общество и русский язык. На протяжении последних 30 лет в России был ликвидирован старый, капиталистический базис и построен новый, социалистический базис. Соответственно с этим была ликвидирована надстройка над капиталистическим базисом и создана новая надстройка, соответствующая социалистическому базису. Были, следовательно, заменены старые политические, правовые и иные учреждения новыми, социалистическими. Но, несмотря на это, русский язык остался в основном таким же, каким он был до Октябрьского переворота"⁷⁶.

Вполне убедительно он раскритиковал тезис о классовом характере языка и подчеркнул его самостоятельную роль. В частности, он указал на то, что язык порожден не тем или иным базисом, старым или новым базисом внутри данного общества, а всем ходом истории общества и истории базисов в течение веков. Он создан не одним каким-нибудь классом, а всем обществом, всеми классами общества, усилиями сотен поколений. Он создан для удовлетворения нужд не одного какого-либо класса, а всего общества, всех классов общества. Именно поэтому он создан как единый для общества и общий для всех членов общества об-

⁷⁶ И. Сталин. Соч. Т. 16. С. 104—105.

щенародный язык. Ввиду этого служебная роль языка как средства общения людей состоит не в том, чтобы обслуживать один класс в ущерб другим классам, а в том, чтобы одинаково обслуживать все общество, все классы общества... Ни для кого не составляет тайну тот факт, что русский язык так же хорошо обслуживал русский капитализм и русскую буржуазную культуру до Октябрьского переворота, как он обслуживает ныне социалистический строй и социалистическую культуру русского общества.⁷⁷

В тех условиях это звучало и свежо и актуально, поскольку классовый подход, классовые критерии буквально туманили многим мозги и сильно мешали развитию разных отраслей науки, в особенности в языкоznании. В трактовке Сталина все звучало убедительно и выбывало из рук сторонников классового подхода все аргументы. Вождь подчеркивал, что культура может быть и буржуазной и социалистической, язык же как средство общения является всегда общенародным языком, и он может обслуживать и буржуазную и социалистическую культуру.⁷⁸

Весьма актуально и демократически звучала и оценка Сталиным положения, которое сложилось в языкоznании. Он подчеркнул, что дискуссия выяснила прежде всего, что в органах языкоznания как в центре, так и в республиках господствовал режим, не свойственный науке и людям науки. Малейшая критика положения дел в советском языкоznании, даже самые робкие попытки критики так называемого «нового учения» в языкоznании преследовались и пресекались со стороны руководящих кругов языкоznания. За критическое отношение к наследству Н. Я. Марра, за малейшее неодобрение учения Н. Я. Марра снимались с должностей или снижались по должности ценные работники и исследователи в области языкоznания. Деятели языкоznания выдвигались на ответственные должности не по деловому признаку, а по признаку безоговорочного признания учения Н. Я. Марра.

Общепризнано, что никакая наука не может развиваться и преуспевать без борьбы мнений, без свободы критики. Но это общепризнанное правило игнорировалось и попиралось самым бесцеремонным образом. Создалась замкнутая группа непогрешимых руководителей, которая, обезопасив себя от всякой возможной критики, стала самовольничать и бесчинствовать.⁷⁹

В тогдашних условиях такая постановка вопроса нашла одобрение в самых широких слоях ученых разных профилей и направлений. Очень позитивно она была воспринята и населением страны, поскольку демонстрировала своего рода демократичность вождя, его стремление дать простор научному и иному творчеству. Особенно широкий отклик нашел призыв Сталина к ликвидации уставившегося в языкоznании режима гонений и нетерпимости к тем, кто не принадлежал к клану сторонников господствовавшего направления в языкоznании. «Ликвидация аракчеевского режима в языкоznании, отказ от ошибок Н. Я. Марра, внедрение марксизма в языкоznание – таков, по-моему, путь, на котором можно было бы оздоровить советское языкоznание»⁸⁰.

Подводя краткий итог, можно сказать, что личное участие Сталина в дискуссии по вопросам языкоznания как раз и являло собой пример того, что правиль-

⁷⁷ См. И. Стalin. Соч. Т. 16. С. 105–106.

⁷⁸ И. Стalin. Соч. Т. 16. С. 114.

⁷⁹ И. Стalin. Соч. Т. 16. С. 122.

⁸⁰ И. Стalin. Соч. Т. 16. С. 124.

но выбранная позиция, особенно при той безраздельной власти и том авторитете, которыми пользовался верховный вождь, могла весьма благотворно сказаться на развитии науки. Однако данный эпизод, к сожалению, был скорее исключением, нежели правилом. Когда вождь участвовал, к примеру, в дискуссии по экономическим вопросам (на чем я кратко остановлюсь в следующей главе), то это воспринималось вполне естественно. Но вмешательство в вопросы развития биологической науки не могло не привести к негативным результатам.

4. Борьба с космополитизмом

Тема борьбы с космополитизмом чрезвычайно многогранна и охватывает много различных аспектов, органически взаимосвязанных друг с другом. Прежде всего я имею в виду политику так называемого государственного антисемитизма, которую якобы проводил Сталин и которая стала импульсом, давшим толчок началу кампании по борьбе с космополитизмом. Некоторые российские, да и зарубежные авторы возводят эту кампанию чуть ли не во второй холокост в отношении евреев. Поэтому мне так или иначе придется касаться разных сторон этой проблемы, чтобы, с одной стороны – рассмотреть, насколько исторически и с фактической точки зрения обоснован тезис о проведении Сталиным политики государственного антисемитизма, а с другой стороны – осветить хотя бы в самом общем виде практические действия Сталина в связи с так называемым еврейским вопросом. Естественно, здесь не обойдешь и дело против Еврейского антифашистского комитета и некоторые другие аспекты общей проблемы. Отсюда возникает и определенное нарушение в изложении событий с точки зрения хронологии. Но, полагаю, такое нарушение в целом не изменит общего строя изложения, да и неукоснительное следование законам хронологии отнюдь не всегда бывает оправдано интересами раскрытия темы по существу. Так что читатель, хотя и может поставить мне в упрек подобную вольность, но, я повторяю, она продиктована интересами более полного раскрытия поставленной проблемы.

Поэтому я начну, как говорится, с самого начала – а именно с рассмотрения редакционной статьи “Об одной антипатриотической группе театральных критиков”, опубликованной в газете “Правда” 28 января 1949 г. Как утверждает А. Борщаговский, один из объектов критики, “основополагающую” статью в “Правде”, которую затем будут цитировать и перепевать на все лады в партийной и специальной печати.... писали Фадеев и Заславский. Вероятно, понадобились усилия и третьих лиц – в статье подробности и цитаты из статей и книг, в которые никогда не заглядывали ни сановный Фадеев, ни тем более Заславский (один из активных авторов газеты, сам по национальности еврей – Н.К.), никогда не требовавший расправы над Лениным, затем прощеный и возвышенный Сталиным, милостивым, как известно, к “перевертышам”, к успешно проходящим лакейскую “переэкзаменовку” и готовым служить безоглядно, а если потребует эпоха, то и бессовестно”⁸¹.

Но суть вопроса не в том, кто готовил данную статью, поскольку она отражала отнюдь не их личные взгляды, а линию, определенную указаниями Сталина. По этому поводу имеется любопытное свидетельство Д.Т. Шепилова, работавшего в то время заместителем начальника управления пропаганды и агитации ЦК

⁸¹ Александр Борщаговский. Записки баловня судьбы. М. 1991. С. 74.

партии. В своих воспоминаниях во второй половине 90-х годов он писал: “До сих пор не знаю, как и почему родилась идея этой позорной кампании. Но не подлежит сомнению, что она причинила огромный ущерб нашей партии и стране. Сталин в этот период по-прежнему вел затворнический образ жизни. Он никогда не бывал на стройках или фабриках, в колхозах. Он редко кого принимал. Но на основе обширной информации, аккумулировавшейся в ЦК и правительстве, Сталин был постоянно хорошо информирован о положении дел внутри страны и за ее пределами. И он спокойно, неторопливо, тщательно взвешивал все “за” и “против”, решал назревшие вопросы, выдвигал новые задачи и идеи. И весь механизм управления великим государством функционировал размеренно и безотказно. Однако за спиной Сталина продолжали тайно действовать силы, которые хотели уже теперь, в предвидении возможной смерти Сталина, стоять ближе всех к штурвалу государственного корабля. Им было важно заблаговременно исключить здесь всякие неожиданности, оттеснить на задний план, а если можно – то и уничтожить тех, кого они считали для себя в этом плане опасными”⁸².

Всего два замечания по поводу соображений Шепилова. Во-первых, как-то странно выглядит его утверждение, что он не знает, как и почему родилась идея этой кампании, поскольку в самом воздухе того времени эта идея уже витала и обретала все более отчетливые контуры, и он в силу занимаемой им должности не мог не быть в курсе происходящего. Во-вторых, на мой взгляд, он явно недооценивает роль Сталина во всем этом деле, намекая, что за всей кампанией могли стоять какие-то иные силы, кроме вождя. Это – явный перебор, не соответствующий реальной обстановке того времени.

Но вернемся, однако, к нашим барапам, то бишь к самой статье. Фундаментальные положения ее в суммированном виде сводились к следующим основополагающим тезисам.

В театральной критике сложилась антипатриотическая группа последней буржуазного эстетства, которая проникает в нашу печать и наиболее развязно орудует на страницах журнала “Театр” и газеты “Советское искусство”. Эти критики утратили свою ответственность перед народом; являются носителями глубоко отвратительного для советского человека, враждебного ему безродного космополитизма; они мешают развитию советской литературы, тормозят ее движение вперед. Им чуждо чувство национальной советской гордости.

Такого рода критики пытаются дискредитировать передовые явления нашей литературы и искусства, яростно обрушаясь именно на патриотические, политически целеустремленные произведения под предлогом их якобы художественного несовершенства. Полезно вспомнить, что именно таким атакам идеологического противника подвергались в свое время творчество великого писателя Максима Горького, такое ценное произведение, как “Любовь Яровая” К. Тренева, и другие.⁸³

В статье далее говорилось, что люди, зараженные пережитками буржуазной идеологии, пытаются еще кое-где отравлять здоровую, творческую атмосферу советского искусства своим тлетворным духом. То более открыто, то в более замаскированной форме они пытаются вести свою бесплодную, обреченную на сокрушительное поражение борьбу.

Жало эстетско-формалистической критики направлено не против дей-

⁸² “Вопросы истории”. 1998 г. № 6. С. 14.

⁸³ Сталин и космополитизм 1945–1953. Документы. М. 2005. С. 234–235.

ствительно вредных и неполноценных произведений, а против передовых и лучших, показывающих образы советских патриотов. Именно это и свидетельствует о том, что эстетствующий формализм служит лишь прикрытием антипатриотической сущности.⁸⁴

В статье поименно назывались те, кто причислялся к “бездонным космополитам”. Так, например, театральный критик А. Борщаговский, умалчивая о произведениях, извращающих советскую действительность и образы советских людей, весь пыл своей антипатриотической критики направил на пьесу А. Софронова “Московский характер” и на Малый театр, поставивший эту пьесу. Тот же А. Борщаговский, который в свое время пытался опорочить пьесу “В степях Украины” А. Корнейчука, вознамерился ныне ошельмовать такие произведения, как “Хлеб наш насущный” Н. Вирты, “Большая судьба” А. Сурова и др.⁸⁵

В статье ставился вопрос о том, как реагировали участники этой антипатриотической группы на основополагающие постановления партии по вопросам драматургии. Ответ давался следующий: “...Критика оказалась не по плечу этим горекритикам. Они не хотели отнести к себе критически, потому что боялись обнаружить свое полное идеиное банкротство. Но они и не прекратили свою деятельность, направленную теперь прямо против указаний партии, деятельность групповую и антипатриотическую. Роли разделились. Некоторые лидеры этой группировки окопались в затхлых комиссиях ВТО. Здесь они, собрав вокруг себя приятелей, стали создавать фальсифицированное “общественное мнение” против новых советских пьес, фактически — против советского репертуара вообще”⁸⁶.

Далее авторы статьи, подбирая наиболее хлесткие выражения, писали:

“Шипя и злобствуя, пытаясь создать некое литературное подполье, они оханивали все лучшее, что появлялось в советской драматургии. Они не нашли доброго слова для таких спектаклей, как “Великая сила”, “Московский характер”, “Хлеб наш насущный”, “Большая судьба”. Мишеню их злобных и клеветнических выпадов были в особенности пьесы, удостоенные Сталинской премии.

Конечно, еще во многих пьесах советского современного репертуара есть немало недостатков. Все они, разумеется, подлежат творческой, товарищеской критике, идеиной и художественной. Но эстетствующие сплетники не о такой критике заботились и думали. Они оханивали эти пьесы сплошь, и именно за то, что эти пьесы, при всех недочетах, проникнуты советской идеиностью и принципиальностью, ставят важнейшие политические вопросы, помогают партии и советскому народу в борьбе с низкопоклонством перед буржуазной иностранчиной, в борьбе с бюрократизмом, с хищничеством, с преобладанием личных мотивов над общественными. Все эти пьесы воспитывают советский патриотизм и стремятся показать со сцены, силой художественных образов, все то новое, что рождается в советском обществе...

Перед нами не случайные отдельные ошибки, а система антипатриотических взглядов, наносящих ущерб развитию нашей литературы и искусства, система, которая должна быть разгромлена.

Не случайно безродные космополиты подвергают атакам искусство Художественного театра и Малого театра — нашей национальной гордости. Они пытаются подорвать доверие к их работе, когда эти лучшие в мире театры ставят пьесы на советские темы, раскрывают образы советских людей.

⁸⁴ Стalin и космополитизм 1945–1953. С. 236.

⁸⁵ Стalin и космополитизм 1945–1953. С. 237.

⁸⁶ Стalin и космополитизм 1945–1953. С. 238.

Первоочередная задача партийной критики — идейный разгром этой антипатриотической группы театральных критиков⁸⁷.

Заканчивалась статья боевым призывом-лозунгом: Надо решительно и раз навсегда покончить с либеральным попустительством всем этим эстетствующим ничтожествам, лишенным здорового чувства любви к Родине и к народу, не имеющим за душой ничего, кроме злопыхательства и раздутого самомнения. Надо очистить атмосферу искусства от антипатриотических обывателей...

Партийная советская критика разгромит носителей чуждых народу взглядов, она расчистит поле для плодотворной деятельности советского театра и выполнит те задачи, которые поставлены перед нею партией, народом.⁸⁸

Такая была поставлена задача. И по существу вся советская печать, все творческие организации незамедлительно приступили к ее выполнению. Повсеместно в творческих организациях писателей, артистов и других работников искусств проводились собрания, на которых безоговорочному осуждению подвергались, во-первых, перечисленные в статье персоны; во-вторых, на свет божий вытаскивались новые, собственные безродные космополиты. Все они подвергались не просто критике, а злобному осмеянию и зачастую характеризовались не только антипатриотами, но и чуть ли не преступниками.

Кампания затрагивала не только лиц еврейской национальности, хотя именно они превалировали в числе тех, кто подвергался интеллектуальной инквизиции. Поэтому не правы те, кто утверждает, что данная кампания носила исключительно антиеврейский характер. Это — явное упрощение. Отмечая, так сказать, всеобщий масштаб и размах кампании, следует в качестве примера привести зудоровительную критику историков, которым, видимо, досталось не намного меньше, чем литераторам.

В марте 1949 года в Академии общественных наук при ЦК ВКП(б) состоялось расширенное объединенное заседание кафедр истории СССР, всеобщей истории и истории международных отношений, на котором обсуждались задачи исторической науки в свете редакционных статей газет "Правда" и "Культура и жизнь". На заседании было установлено, что в работе некоторых советских историков были допущены серьезные ошибки космополитического характера.

Историческая наука является одним из участков идеологического фронта, на котором кучка безродных космополитов пыталась вести свою вредную работу, распространяя антипатриотические взгляды при освещении вопросов истории нашей Родины и других стран.

Так, в печатных работах акад. И.И. Минца извращена история Великой Октябрьской социалистической революции, не показано отличие ее от всех предыдущих революций, смазана ее освободительная роль, как революции, спасшей нашу страну от колониального рабства, не раскрыт ее социалистический характер, принижена роль СССР в мировой истории. Акад. Минц игнорировал, умалял решающую роль русского народа, русского рабочего класса в истории нашей Родины, не показал, как великий русский народ, возглавляемый партией Ленина — Сталина, стал руководящей силой советского государства, выдающейся нацией среди других народов, входящих в состав СССР. Акад. Минц не раскрыл движущие силы развития советского общества, не показал принципиального отличия советского государства от государства досоветского.

⁸⁷ Стalin и космополитизм 1945—1953. С. 239.

⁸⁸ Стalin и космополитизм 1945—1953. С. 240.

При освещении истории Великой Октябрьской социалистической революции он извратил действительные причины разгрома иностранной интервенции в годы гражданской войны.⁸⁹

Были подвергнуты также сокрушительной критике историки Разгон, Городецкий, Вайнштейн, Лан, Зубок и другие. А о профессоре Г. Деборине было сказано, что он выступал в качестве апологета американского империализма.⁹⁰

Апогей борьбы с космополитизмом был вскоре пройден: кампания начала постепенно затихать и к весне 1950 года, можно сказать, была прекращена. Это, разумеется, не значит, что с космополитизмом вообще прекратилась борьба. Одной из особенностей сталинской политической стратегии являлось то, что он не принадлежал к поборникам длительных, затяжных кампаний. Он проводил их достаточно энергично и в не столь растянутые сроки, а затем, когда возникала, по его мнению, необходимость, снова давал ей импульс, но уже в несколько модифицированной форме. В какой-то степени он не любил трафареты даже в такого рода вещах. Следует отметить, что особенностью данной кампании являлось то, что объекты критики, конечно, пострадали — их увольняли с работы, запрещали публиковаться в печати, подвергали другим ограничениям, но, как правило, не применяли меры уголовного характера, т. е. не арестовывали и не сажали в тюрьмы.

Дело Еврейского антифашистского комитета

Довольно быстрое сворачивание кампании имеет, видимо, еще одну подоплеку. На повестку дня в тот период выходила проблема Еврейского антифашистского комитета. Истоки этого дела можно условно отнести к 1944 году. Тогда руководители ЕАК обратились через посредство жены В. Молотова П. Жемчужину с письмом в правительство о создании на территории Крыма Еврейской республики (причем не уточнялось, автономную или союзную). В своем обращении они следующим образом аргументировали свое предложение. “Накопленную веками культурную энергию интеллигенция европейской национальности могла бы с огромной пользой применить в строительстве европейской советской культуры, которая имеет большие достижения. Но распыленность еврейского населения, составляющего во всех республиках незначительное меньшинство, не дает возможности это осуществить... В ходе войны обострились некоторые капиталистические пережитки в психике отдельных прослоек различных народностей, включая и часть их интеллигенции. Одним из наиболее ярких выражений этих пережитков являются новые вспышки антисемитизма. Эти вспышки всячески разжигаются фашистскими агентами и притаившимися вражескими элементами с целью подрыва важнейшего достижения советской власти — дружбы народов.

Эти нездоровые явления воспринимаются крайне болезненно всеми слоями еврейского населения СССР, которые показали себя подлинными патриотами родины героизмом своих лучших сынов и дочерей на фронтах Отечественной войны и в тылу. Проявление антисемитизма вызывает острую реакцию в душе каждого советского еврея без исключения еще и потому, что весь еврейский народ переживает величайшую трагедию в своей истории, потеряв от фашистских

⁸⁹ Хрестоматия по отечественной истории (1946–1995 гг.). С. 445–446.

⁹⁰ Хрестоматия по отечественной истории (1946–1995 гг.). С. 446–448.

зверств в Европе около 4 млн. человек. Советский Союз – единственная же страна, которая сохранила жизнь почти половине еврейского населения Европы. С другой стороны, факты антисемитизма в сочетании с фашистскими зверствами способствуют росту националистических и шовинистических настроений среди некоторых слоев еврейского населения”⁹¹.

Таким образом, одним из аргументов служил тезис о том, что создание республики в Крыму будет способствовать изживанию антисемитизма, на существовании которого акцентировали внимание авторы предложения. Далее они подчеркивали, что с целью нормализации экономического положения всех слоев еврейского населения и дальнейшего роста и развития еврейской советской культуры, с целью максимальной мобилизации всех сил еврейского населения на благо советской родины, с целью полного уравнения положения еврейских масс среди братских народов мы считаем своевременной и целесообразной в порядке решения послевоенных проблем постановку вопроса о создании Еврейской Советской Социалистической Республики.

“...Нам кажется, – утверждали они, – что одной из наиболее подходящих областей явилась бы территория Крыма, которая в наибольшей степени соответствует требованиям как в отношении вместительности для переселения, так и вследствие успешного опыта развития там еврейских национальных районов...

Исходя из вышеизложенного, мы предлагаем:

1. Создать еврейскую советскую социалистическую республику на территории Крыма...

Мы надеемся, что Вы уделите должное внимание нашему предложению, от осуществления которого зависит судьба целого народа.

С. Михоэлс, Ш. Эпштейн, И. Фефер”⁹².

Тогда это предложение как бы повисло в воздухе. Но Сталин, конечно, не забыл о нем, и в новых условиях это предложение стало одним из аргументов в борьбе против сионизма. Именно так им было расценено предложение о создании в Крыму Еврейской республики. Членам Политбюро он объяснил, почему выступает против: “Это превратило бы Крым в непотопляемый американский авианосец”⁹³.

После войны по указанию Сталина к этому вопросу вернулись: была проведена скрупулезная проверка деятельности ЕАК и всех его работников. В записке по итогам расследования отмечалось, что члены ЕАК, забывая о классовом подходе, осуществляют международные контакты с буржуазными деятелями и организациями на националистической основе, а рассказывая в буржуазных изданиях о жизни советских евреев, преувеличивают их вклад в достижения СССР, что следует расценить как проявление национализма. Подчеркивалось, что комитет явочным порядком развертывает свою деятельность внутри страны, присваивает себе функции главного уполномоченного по делам еврейского населения и посредника между этим населением и партийно-советскими органами. В результате делался вывод о том, что деятельность комитета вышла за пределы его компетенции, приобрела не свойственные ему функции и поэтому является политически вредной и нетерпимой. В связи с этим было внесено предложение о ликвидации ЕАК. Записка аналогичного содержания была направлена М. А. Сусловым 26 ноября 1946 г. И.В. Сталину.⁹⁴

⁹¹ Государственный антисемитизм в СССР 1938–1953. Документы. М. 2005. С. 46–47.

⁹² Государственный антисемитизм в СССР 1938–1953. С. 47–48.

⁹³ Ю.А. Жданов. Взгляд в прошлое. С. 195.

⁹⁴ Реабилитация. Политические процессы 30–50-х годов. М. 1991. С. 323.

В конце 1947 года пересеклись линии двух «разработок» министерства госбезопасности, одна из которых была нацелена на ЕАК, другая захватывала семью Аллилуевых – родственников жены Сталина. Сотрудники госбезопасности фабриковали очередное дело на одного из членов этой семьи – К.А. Аллилуеву. 16 декабря 1947 г. она подписала протокол допроса, в котором утверждалось, что близкий знакомый ее семьи, старший научный сотрудник Института экономики Академии наук СССР И.И. Гольдштейн якобы враждебно настроен по отношению к советской власти и в беседах с ней высказывал клеветнические измышления на советскую действительность. Гольдштейн признал себя виновным и показал, что в 1946 году его знакомый З.Г. Гринберг сообщил ему о том, что ЕАК проводил антисоветскую националистическую работу, что всю эту работу возглавляет С.М. Михоэлс*, который завязал широкие связи с еврейскими буржуазными националистами США и пользовался полной поддержкой у американских сионистов. Гринберг сообщил также, что Михоэлс и руководимый им Еврейский антифашистский комитет ставят перед собой задачу создания на территории СССР Еврейской республики, а для разрешения «еврейского вопроса» и пресечения антисемитизма в стране они намерены использовать брак Светланы Сталиной с Г. Морозовым, надеясь соответствующим образом обработать Морозова и через него информировать Сталина по «еврейскому вопросу».⁹⁵

По замыслу организаторов акции, задуманной в недрах МГБ и одобренной Сталиным, ЕАК должен был предстать как руководящий, координирующий центр националистической антисоветской шпионской деятельности. Под этот сценарий был подобран и состав действующих лиц. Из ЕАК отобрали наиболее активную часть, постоянно работающую в составе его президиума. Среди тех, кого наметили для ареста и последующего суда, были видные представители еврейской интеллигенции: дипломаты, ученые, артисты, поэты, писатели, общественные деятели, руководящие работники советского государственного аппарата. Это было созвездие имен, широко известных в стране. Очевидно, предполагалось, что коль скоро такие крупные фигуры включились в антисоветскую еврейскую националистическую деятельность, то дело здесь отнюдь не надуманное.

Если быть объективным, то нельзя отрицать того очевидного факта, что в среде еврейского населения Советского Союза достаточно широкое распространение получили настроения националистического характера, которые использовались сионистами для нагнетания обстановки и поощрения недовольства политикой властей. Это особенно стало заметным после образования в мае 1948 года государства Израиль. СССР первый де-факто и второй после США де-юре признал независимость Израиля 14 мая 1948 года. Еврейский антифашистский комитет сразу направил президенту Хайму Вейцману приветственную телеграмму. Тысячи советских евреев присыпали в различные учреждения, в том числе в военкоматы, письма с просьбой направить их в Израиль, где они могли бы с оружием в руках защищать страну от империалистической агрессии британских марионеток (имелись в виду арабские страны, начавшие полномасштабную войну против только что созданного еврейского государства) и строить там социализм.

Некоторые исследователи полагают, что Сталин пошел на признание Израи-

* Согласно наиболее распространенной версии, подтверждения которой содержатся в ряде документальных свидетельств, С.М. Михоэлс был убит в 1948 году не без санкции Сталина.

⁹⁵ Несправедливый суд. Последний сталинский расстрел. Стенограмма судебного процесса над членами ЕАК. М. 1994. С. 5–6.

иля, рассчитывая использовать его в качестве своего рода оружия в борьбе против Запада. Для этого были некоторые основания: в европейской Палестине, а также и в Израиле, проживало много эмигрантов из России и Польши, и частично по этой причине идеи социализма были довольно популярны. К тому же СССР среди евреев Палестины пользовался большим престижем как освободитель Европы от нацистов. Учитывалось и наличие российских корней у многих лидеров европейского государства в Палестине, также наличие в СССР многочисленного еврейского населения. Однако эти геополитические расчеты Сталина оказались зыбкими и вскоре были рассеяны реальным развитием событий.

Появление на карте мира государства Израиль в огромной степени усилило просионистские настроения как среди евреев, проживавших в Советской России, так и на Западе. Правящие же круги Израиля вскоре проявили свои истинные симпатии и повернулись лицом к Западу, в первую очередь к США. Этого фактора Сталин не мог не учитывать в своей политике. Тем более что тому имелись конкретные доказательства. В частности, тот прием, который был оказан посланнику Израиля в Москве Голде Меир. Полагаю, что в данном случае убедительнее всего будут не мои собственные рассуждения и предположения, а свидетельство самой Голды Меир, довольно обширную выдержку из воспоминаний которой я приведу, тем более что она относится именно к констатации факта существования среди еврейского населения СССР явно произраильских настроений, которые легко трансформировались в просионистские настроения. Вот что она пишет в своих мемуарах по поводу того, какую встречу ей устроили в Москве.

“В тот день, как мы и собирались, мы отправились в синагогу. Все мы — мужчины, женщины, дети — оделись в лучшие платья, как полагается евреям в нееврейские праздники. Но улица перед синагогой была неизвестна. Она была забита народом. Тут были люди всех поколений: и офицеры Красной армии, и солдаты, и подростки, и младенцы на руках у родителей. Обычно по праздникам в синагогу приходило примерно сто—двести человек — тут же нас ожидала пятидесятитысячная толпа. В первую минуту я не могла понять, что происходит, и даже — кто они такие. Но потом я поняла. Они пришли — добрые, храбрые евреи — пришли, чтобы быть с нами, пришли продемонстрировать свое чувство принадлежности и отпраздновать создание государства Израиль. Через несколько секунд они обступили меня, чуть не раздавили, чуть не подняли на руках, снова и снова называя меня по имени. Наконец, они расступились, чтобы я могла войти в синагогу, но и там продолжалась демонстрация. То и дело кто-нибудь на галерее для женщин подходил ко мне, касался моей руки, трогал или даже целовал мое платье. Без парадов, без речей, фактически — без слов евреи Москвы выразили свое глубокое стремление, свою потребность — участвовать в чуде создания еврейского государства, и я была для них символом этого государства”⁹⁶.

И далее она продолжает: “Тридцать лет были разлучены мы с ними. Теперь мы снова были вместе, и, глядя на них, я понимала, что никакие самые страшные угрозы не помешают восторженным людям, которые в этот день были в синагоге, объяснить нам по-своему, что для них значит Израиль... Мы были потрясены до глубины души. Никто не сказал ни слова. Мы просто сидели и молчали. Открытие было для нас слишком огромным, чтобы мы могли это обсуждать, но нам надо было быть вместе... Но я даже плакать не могла. Я сидела с помертвевшим лицом, уставившись в одну точку. И вот так, взволнованные до немоты, мы про-

⁹⁶ Голда Меир. Моя жизнь. (Электронная версия).

вели несколько часов. Не могу сказать, что тогда я почувствовала уверенность, что через двадцать лет я увижу многих из этих евреев в Израиле. Но я поняла одно: Советскому Союзу не удалось сломить их дух; тут Россия, со всем своим могуществом, потерпела поражение. Евреи остались евреями”⁹⁷.

Полагаю, что комментарии здесь излишни. Ведь Меир однозначно пишет о поражении России и не видит ничего удивительного в том, что граждане Советской России так восторженно демонстрируют свою приверженность Израилю как своей не только духовной, но и чуть ли не реальной родине.

Еще больший интерес представляет описание ее встречи и разговора с П. Жемчужиной – женой второго после Сталина персонажа в советской иерархии. Итак, слово Голде Меир: “Гораздо более интересная и приятная встреча произошла у меня на приеме у Молотова по случаю годовщины русской революции, на который всегда приглашаются все аккредитованные в Москве дипломаты. Послов принимал сам министр иностранных дел в отдельной комнате. После того, как я пожала руку Молотову, ко мне подошла его жена Полина. “Я так рада, что вижу вас наконец!” – сказала она с неподдельной теплотой, даже с волнением. И прибавила: “Я – ведь говорю на идиш, знаете?”

– Вы еврейка? – спросила я с некоторым удивлением.

– Да! – ответила она на идиш. – Их бин а идише тохтер (я – дочь еврейского народа).

Мы беседовали довольно долго. Она знала, что произошло в синагоге, и сказала, как хорошо было, что мы туда пошли. “Евреи так хотели вас увидеть”, – сказала она. Она говорила с нами на идиш и пришла в восторг, когда Сарра ответила ей на том же языке. Когда Сарра объяснила, что в Ревивим все общее и что частной собственности нет, госпожа Молотова заметно смутилась. “Это неправильно, – сказала она. – Люди не любят делиться всем. Даже Сталин против этого. Вам следовало бы ознакомиться с тем, что он об этом думает и пишет”. Прежде чем вернуться к другим гостям, она обняла Сарру и сказала со слезами на глазах: “Всего вам хорошего. Если у вас все будет хорошо, все будет хорошо у всех евреев в мире”.

Больше я никогда не видела госпожу Молотову и ничего о ней не слышала.

Много позже Герни Шапиро, старый корреспондент Юнайтед Пресс в Москве, рассказал мне, что после разговора с нами Полина Молотова была арестована, и я вспомнила тот прием и военный парад на Красной площади, который мы смотрели накануне. Как я позавидовала русским – ведь даже крошечная часть того оружия, что они показали, была нам не по средствам. И Молотов, словно прочитав мои мысли, поднял свой стаканчик с водкой и сказал мне: “Не думайте, что мы все это получили сразу. Придет время, когда и у вас будут такие штуки. Все будет в порядке”⁹⁸.

Разумеется, все произошедшее стало сразу же известно Сталину, что (учитывая, кроме всего прочего, и его подозрительность, а в данном случае она имела под собой почву) не могло не усилить его недоверие не только к Молотову и его супруге, но и к произраильским настроенным гражданам Советского Союза. Центр притяжения таких настроений он усматривал в Еврейском антифашистском комитете. Последовала жесткая реакция. 20 ноября 1948 г. состоялось решение Политбюро: “Утвердить следующее решение Бюро Совета Министров

⁹⁷ Голда Меир. Моя жизнь. (Электронная версия).

⁹⁸ Голда Меир. Моя жизнь. (Электронная версия).

СССР: "Бюро Совета Министров СССР поручает Министерству Государственной Безопасности СССР немедля распустить Еврейский антифашистский комитет, так как, как показывают факты, этот Комитет является центром антисоветской пропаганды и регулярно поставляет антисоветскую информацию органам иностранной разведки.

В соответствии с этим органы печати этого Комитета закрыть, дела Комитета забрать. Пока никого не арестовывать"⁹⁹.

Последовали и другие действия, в частности, расследование роли П. Жемчужиной. Заместитель председателя комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) Шкирятов и министр госбезопасности Абакумов направили Сталину записку от 27 декабря 1948г. В ней, в частности, говорилось, что установлено – Жемчужина П.С. вела себя политически недостойно. В течение длительного времени она поддерживала знакомство с лицами, которые оказались врагами народа, имела с ними близкие отношения, поддерживала их националистические действия и была их советчиком. Жемчужина вела с ними переговоры, неоднократно встречалась с Михоэлсом, используя свое положение, способствовала передаче их политически вредных, клеветнических заявлений в правительственные органы.¹⁰⁰ 29 декабря она была исключена из партии. Молотов при голосовании воздержался, но через месяц написал Сталину записку следующего содержания: "При голосовании в ЦК предложения об исключении из партии П.С. Жемчужиной я воздержался, что признаю политически ошибочным. Заявляю, что, продумав этот вопрос, я голосую за это решение ЦК, которое отвечает интересам партии и государства и учит правильному пониманию коммунистической партийности. Кроме того, признаю тяжелую вину, что вовремя не удержал Жемчужину, близкого мне человека, от ложных шагов и связей с антисоветскими еврейскими националистами вроде Михоэлса.

В. МОЛОТОВ"¹⁰¹.

Как догадывается читатель, ни Stalin, ни Молотов всего этого не забыли. Вождь напомнил об этом в своей речи на пленуме ЦК, который состоялся после XIX съезда партии. На этом пленуме вождь припомнил Молотову его грехи, выразив таким образом свое политическое недоверие своему ближайшему на протяжении трех десятилетий соратнику. Вот что сказал по этому вопросу Stalin:

"А чего стоит предложение товарища Молотова передать Крым евреям? Это – грубая ошибка товарища Молотова. Для чего это ему потребовалось? Как это можно допустить? На каком основании товарищ Молотов высказал такое предложение? У нас есть Еврейская автономия – Биробиджан. Разве этого недостаточно? Пусть развивается эта республика. А товарищу Молотову не следует быть адвокатом незаконных еврейских претензий на наш Советский Крым. Это – вторая политическая ошибка товарища Молотова. Товарищ Молотов неправильно ведет себя как член Политбюро. И мы категорически отклонили его надуманные предложения.

Товарищ Молотов так сильно уважает свою супругу, что не успеем мы принять решение Политбюро по тому или иному важному политическому вопросу, как это быстро становится известным товарищу Жемчужиной. Получается, будто какая-то невидимая нить соединяет Политбюро с супругой Молотова, Жемчу-

⁹⁹ Государственный антисемитизм в СССР 1938–1953. С. 138.

¹⁰⁰ Государственный антисемитизм в СССР 1938–1953. С. 160.

¹⁰¹ Государственный антисемитизм в СССР 1938–1953. С. 162.

жиной, и ее друзьями. А ее окружают друзья, которым нельзя доверять. Ясно, что такое поведение члена Политбюро недопустимо”¹⁰².

Молотов не оставил мемуаров. Лишь небольшой фрагмент его воспоминаний опубликовал его внук В. Никонов. В части, касающейся предмета нашего повествования, он писал: “В 1948 году меня заставили разойтись с женой, которую я любил и люблю всей душой как жену, как преданного человека и как преданную партии коммунистку. Она ко мне относилась с исключительно хорошими чувствами, и мне было ясно, что в отношении нее допускается крайняя несправедливость, граничащая с преступной бесчеловечностью. Передо мной встал вопрос – восстать против грубой несправедливости Кобы (Сталина) и пойти на разрыв с ЦК или протестовать, защищая честь жены, но покориться ради того, чтобы, по крайней мере, в дальнейшем продолжать борьбу внутри партии и ЦК за правильную политику партии, за устранение явных и многим не видных ошибок, неправильностей и – главное – за такую линию партии, которая опасно, во вред интересам дела коммунизма, искалась со стороны зазнавшегося Кобы и поддакивавших ему, прости господи, “соратников”. Мне казалось, что, несмотря на все мои теоретические и практические слабости (недостатки), я занимаю такое важное место в руководящем органе партии и отстаиваю в основном такую наиболее отвечающую духу (существу) ленинизма политическую линию, что моя главная перед партией обязанность – думать об этом, заботиться о том, чтобы всеми моими силами и влиянием в партии помочь исправить или, по крайней мере, помочь сигнализировать партии про необходимость исправить политику партии, попавшей в значительной мере под извращенное, субъективно-неустойчивое влияние зазнавшегося Кобы, возомнившего черт знает что.

У меня было мало сил, чтобы открыто восстать против Кобы, что было бы необходимо при других, более благополучных для такого дела условиях. В окружении Кобы я не видел людей, которые могли бы возглавить такое дело, т.к. другие были не сильнее меня. Но я не смотрел на будущее безнадежно. Был уверен, несмотря ни на что, отстаивание подлинно марксистско-ленинской линии – к чему я стремился, как я был уверен, более последовательно и более честно, чем другие, – единственно правильное для коммуниста дело.

Только этим я оправдывал свое формальное примирение с явной несправедливостью в отношении Полины, что было большой несправедливостью и в отношении меня самого. При этом я, конечно, чувствовал и понимал, что несправедливость и тяжкие репрессии в отношении Полины являются еще одной попыткой подкопаться под меня самого, расправиться прежде с самым близким мне человеком, а потом, через какое-то время, и со мной. Все шло к этому, и я смотрел правде в глаза, но противодействовать этому не имел сил. Что же касается лиц, окружавших Кобу, они в той или иной мере сочувствовали или полусочувствовали мне, но в общем и целом ставили свои цели и карьерные интересы выше других. Возможно, что некоторые из них находились в такой духовной зависимости от Кобы, что в какой-то мере и верили в необходимость мер, направленных против меня, и в первую очередь против самых близких ко мне людей”¹⁰³.

Есть еще одно любопытное свидетельство – одного из охранников Сталина. Он рассказывал корреспонденту, бравшему у него интервью: “Как-то я стал свидетелем разговора Молотова и Сталина. Как раз тогда жена Вячеслава Михайло-

¹⁰² И. Стalin. Соч. Т. 18. С. 585–586.

¹⁰³ “Независимая газета”. 30 июня 2001 г.

вича Полина Жемчужина была осуждена и находилась в заключении. Сталин и Молотов прогуливались, мы их сопровождали. Они что-то обсуждали, а когда закончили, Молотов умоляюще прошептал: "Коба, отпусти жену... (только Молотову Сталин позволял так к себе обращаться)". — "Раз ты не можешь перевоспитать жену, то ее перевоспитает Берия", — сухо отрезал Stalin¹⁰⁴.

Приведенные выше отрывки из выступления Сталина и заметок Молотова относятся, так сказать, к временам, когда что-либо изменить уже было невозможно. Процесс по делу ЕАК состоялся в мае—июле 1952 года. Военная коллегия Верховного суда СССР рассмотрела дело группы лиц, связанных с работой Еврейского антифашистского комитета. Обвинение было выдвинуто против 15 человек, среди которых были С. Лозовский (бывший начальник Совинформбюро), И. Фефер — секретарь этого комитета, И. Юзефович — научный сотрудник института истории АН СССР, Л. Квитко — поэт, П. Маркиш — поэт, В. Зускин — художественный руководитель Московского государственного еврейского театра, Л. Штерн — академик, директор института физиологии и ряд других лиц.

Представившие перед судом обвинялись в том, что в своих публичных устных выступлениях, в статьях газеты «Эйникайт» и других литературных произведениях пропагандировали национальную ограниченность и обособленность евреев, лживый тезис об исключительности еврейского народа, как народа, проявившего якобы исключительный героизм в борьбе с фашизмом и имеющего якобы исключительные заслуги в труде и науке.

Идеализируя далекое прошлое, они воспевали в националистическом духе библейские образы, пропагандировали идею внеклассового «братского» единения евреев всего мира только по признаку «одной крови», тем самым смыкались с буржуазными националистами США, Палестины и других государств.¹⁰⁵

Обвиняемые отрицали свою вину. Так, Лозовский заявил в суде: "Обвинительное заключение в отношении меня порочно в своей основе. Оно не выдерживает критики ни с политической, ни с юридической точек зрения. Больше того, оно находится в противоречии с правдой, логикой и смыслом..."¹⁰⁶

Однако их участь была предрешена заранее. Военная коллегия приговорила С.А. Лозовского, И.С. Фефера и других — всего 13 человек — к расстрелу, Л.С. Штерн — к лишению свободы на 3 с половиной года и к последующей ссылке на 5 лет. В 1948–1952 гг., в связи с делом Еврейского антифашистского комитета, были арестованы и привлечены к уголовной ответственности по обвинению в шпионаже и антисоветской националистической деятельности многие другие лица еврейской национальности, в том числе партийные и советские работники, ученые, писатели, поэты, журналисты, артисты, служащие государственных учреждений и промышленных предприятий — всего 110 человек. Из числа репрессированных было приговорено к высшей мере наказания — 10 человек, к 25 годам исправительно-трудовых лагерей — 20, к 20 годам — 3, к 15 годам — 11, к 10 годам — 50, к 8 годам — 2, к 7 годам — 1, к 5 годам — 2, к 10 годам ссылки — 1, умерло в ходе следствия — 5, прекращены дела после ареста в отношении 5 человек. Все они сейчас реабилитированы.¹⁰⁷

Как видно из статистики, число приговоренных к расстрелу составило 10 че-

¹⁰⁴ Электронный журнал "Факты" (Днепропетровск — Киев). 12 апреля 2002 г.

¹⁰⁵ Несправедливый суд. С. 378.

¹⁰⁶ Несправедливый суд. С. 340–341.

¹⁰⁷ Реабилитация. С. 326.

ловек. Это, конечно, несопоставимо с приговорами 30-х годов. Хотя даже одна невинная жертва – это тоже попранная справедливость и она не имеет оправдания. Однако с точки зрения оценки изменений в политической линии Сталина важно обратить внимание именно на этот факт. Не думаю, что все было продиктовано приступом милосердия со стороны вождя – просто в стране сложилась иная ситуация, и то, что было возможно в 30-е годы, стало невозможным теперь. Stalin понимал, что возврата к прошлому уже нет, хотя это, конечно, не было равносильно его отказу от репрессий как средства достижения конкретных политических целей. Но признаки определенной эволюции были налицо.

В качестве заключения данного раздела стоит затронуть хотя бы в самом общем виде вопрос о том, проводил ли Stalin политику государственного антисемитизма? Это – принципиальный вопрос, и на него следует давать ясный и четкий ответ. Сторонники данного тезиса безапелляционно и однозначно утверждают, что лично сам Stalin был ярым антисемитом и проводил сознательно политику государственного антисемитизма. Так, Г. Костыренко в своей объемистой книге, посвященной данному вопросу, делает следующий обобщающий вывод: “государственный антисемитизм возник в СССР в конце 30-х годов, когда в стране в полной мере воцарился террор, а политическая власть целиком сосредоточилась в руках Stalina, человека решительного, жестокого и наряду с этим чрезвычайно коварного и мнительного, готового подозревать в заговоре против собственной персоны кого угодно, в том числе и евреев. Дело дошло до того, что неограниченный в своем произволе диктатор, наделенный ярко выраженной трайбалистской психологией и потому мыслившим категориями коллективной вины целых народов, потом подверг некоторые из них огульному наказанию. Историческое наложение друг на друга двух факторов – объективного (тоталитаризму) и субъективного (сталинизма) – сыграло решающую роль в том, что декларативно осуждаемые законом в СССР национальная нетерпимость и дискриминация были в отношении евреев тайно возведены режимом в ранг официальной политики...”¹⁰⁸

Этот же автор, прибегая к завуалированному и потому не всегда ясно выраженному стилю повествования, подспудно проводит мысль о том, что все это делалось во имя великорусского и великодержавного шовинизма. То есть Stalin возвышал русский народ в ущерб другим и притеснял других опять-таки в интересах возвышения русского народа. В изложении Г. Костыренко это звучит так:

“Семена государственного антисемитизма проросли в благодатной для него почве великодержавного шовинизма, возрожденного Stalinым под воздействием того, что в 30-е годы в соперничестве трех мировых идеологий – либерализма, коммунизма и национализма – последний стал уверенно лидировать. Именно тогда им была предложена национально-государственная концепция “старшего брата”, пропагандировавшая приоритет русских в содружестве народов Советского Союза. По сути то была во многом имперская модель, поскольку во главу угла ставилось не формирование единой нации, а обеспечение добровольно-принудительного сосуществования нескольких так называемых социалистических наций, объединенных на основе строгой иерархии в единый государственно-правовой конгломерат. Как и всякая другая империя военно-феодального типа, построенная на силе центра, авторитете вождя и этнопотенциале империообразующего народа, СССР был обречен с самого начала”¹⁰⁹.

¹⁰⁸ Г.В. Костыренко. Тайная политика Stalina. Власть и антисемитизм. М. 2001. С. 703–704.

¹⁰⁹ Г.В. Костыренко. Тайная политика Stalina. С. 705.

Следуя своему тезису, Г. Костырченко в другой своей, более ранней книге утверждает, что Сталин в последнее десятилетие своего правления приложил немало усилий, чтобы в этой иерархии евреи оказались на самой нижней ступени. Подвергшись массовым репрессиям и насилиственной ассимиляции, они были лишены национальной перспективы в рамках коммунистического тоталитарного государства. Ситуация складывалась так, что сохранить свою самобытность, культуру и не раствориться в других народах советское еврейство, по сути, могло только безальтернативным способом, созвучным сионистской идее, исходом за пределы угнетавшей их империи и обретением новой родины на земле предков, где после второй мировой войны возродилось Государство Израиль.¹¹⁰

Не буду вступать в дискуссию с автором этих тезисов. Ограничусь лишь тем, что выскажу свою собственную оценку этой проблемы. Борьба против космополитизма отнюдь не сводилась к тому, чтобы нанести ущерб лицам еврейской национальности. Она имела и другую, на мой взгляд, более широкую цель — оградить народы Советской России от проводившейся враждебными ей силами линии на подрыв единства всех национальностей, на то, чтобы поставить под вопрос роль русского народа как станового хребта Советского Союза. Неспроста тост вождя за русский народ всячески поносится людьми определенной ориентации. Для них ведущая роль русского народа абсолютно неприемлема, как враждебны и сами тысячелетняя культура и история государства Российского. Сталин же стремился к тому, чтобы Россия была и всегда оставалась самобытной и самостоятельной державой, имеющей все права называться великой. Stalin стремился к тому, чтобы полностью восстановить нарушенную исторически нерасторжимую связь времен, без которой любое государство превращается в некий хаотичный, лишенный перспектив развития конгломерат. В этом одна из его крупных исторических заслуг.

Одной из ключевых составляющих борьбы против космополитизма являлась последовательная и вполне оправданная борьба против холуйского преклонения перед всем иностранным. Stalin подчеркивал: “Нужно покончить с преклонением перед заграницей. У нас, у русских, с дореволюционных времен сохранилось преклонение перед заграницей. Это рабская черта. На этом иностранные шпионы ловили наших людей. Чем объяснить такое положение, когда русского генерала вербует какой-нибудь иностранный капрал?”¹¹¹

Уже в те времена Stalin уловил отчетливые, но далеко идущие симптомы того, что на национальную самобытную культуру русского народа ведется активное наступление. Видимо, здесь нужно особо подчеркнуть, что Stalin далеко смотрел вперед и обладал широким историческим кругозором, поскольку выделил данную проблему и придал ей поистине общегосударственное и общенародное значение. То, в каком положении оказалась в настоящее время национальная культура России, опять-таки косвенным образом свидетельствует о том, что Stalin обладал удивительным даром исторического предвидения и на много десятков лет вперед видел те колоссальные угрозы, которые таит в себе недооценка данного вопроса.

Возвращаясь к непосредственной теме нашего повествования, хочу вполне определенно подчеркнуть, что я ничуть не склонен закрывать глаза на негативные составляющие борьбы против космополитизма. Никто не собирается сни-

¹¹⁰ Г.В. Костырченко. В плена у красного фараона. М. 1994. С. 362–363.

¹¹¹ Ю.А. Жданов. Взгляд в прошлое. С. 159.

мать со Сталина ответственности за все извращения и грубые ошибки, а порой и преступления, совершенные при реализации поставленных им целей. Говоря обобщенно, можно сделать достаточно обоснованный вывод, что его политика в еврейском вопросе, проявившаяся в период кампании против космополитизма, несет на себе черты противоречивости, порой подозрительности и недоверия. Однако возводить ее в ранг государственной политики, которой якобы следовал Stalin, нет оснований.

Как совместить с тезисом о государственном антисемитизме некоторые реальные факты, в том числе из истории его собственной семьи. Как писал один автор отнюдь не русского происхождения, дети Сталина, Яков Джугашвили (от Екатерины Сванидзе) и Светлана Сталина (от Надежды Аллилуевой), до поры до времени безнаказанно крутили романы с евреями и еврейками, которыми был полон Кремлевский дворец и его окрестности. Первый серьезный роман 17-летней Светланы закончился тем, что суровый отец отправил ее соблазнителя, 39-летнего кинодраматурга А. Я. Каплера, в лагеря на 10 лет для обдумывания в спокойной обстановке творческих и любовных замыслов. И хотя это было по-диктаторски, это еще было вполне не по-антисемитски. В конце концов вождь махнул рукой на любовные дела детей, и они поступили так, как поступают все влюбленные, т. е. по-своему. Яков и Светлана породнились с еврейскими семьями, вопреки твердо выраженному запрету отца. Этот запрет мог иметь сложные мотивы не обязательно антисемитского свойства.

С такой логикой трудно не согласиться. Равно как не вписывается в тезис о государственном антисемитизме тот факт, что в Политбюро входил еврей Л. Ка-ганович, важные посты (министров и т. д.) занимали многие представители еврейской национальности. Жены членов Политбюро Молотова, Ворошилова, Андреева были еврейками. (Правда, мне могут возразить: а какова была судьба жены Молотова?) Но тем не менее это все факты. Как фактом является и то, о чем писал К. Симонов: "Когда начали обсуждать роман Ореста Мальцева "Югославская трагедия", Stalin задал вопрос:

— Почему Мальцев, а в скобках стоит Ровинский? В чем дело? До каких пор это будет продолжаться? В прошлом году уже говорили на эту тему, запретили представлять на премию, указывая двойные фамилии. Зачем это делается? Зачем пишется двойная фамилия? Если человек избрал себе литературный псевдоним — это его право, не будем уже говорить ни о чем другом, просто об элементарном приличии. Человек имеет право писать под тем псевдонимом, который он себе избрал. Но, видимо, кому-то приятно подчеркнуть, что у этого человека двойная фамилия, подчеркнуть, что это еврей. Зачем это подчеркивать? Зачем это делать? Зачем насаждать антисемитизм? Кому это надо? Человека надо писать под той фамилией, под которой он себя пишет сам. Человек хочет иметь псевдоним. Он себя ощущает так, как это для него самого естественно. Зачем же его тянуть, тащить назад?"

Вот и вся запись по этому поводу. Добавлю, что Stalin говорил очень сердито, раздраженно, даже, я бы сказал, с оттенком непримиримости к происшедшему, хотя как раз в данном случае он попал пальцем в небо"¹¹².

Правда, далее Симонов ставит под сомнение искренность вождя, считая, что тот играл на публику. Однако это всего лишь мнение Симонова, а не истина в последней инстанции.

¹¹² Константин Симонов. Глазами человека моего поколения. "Знамя". 1988 г. № 4. С. 85.

Авторы определенного направления категорически и безоговорочно, как само собой разумеющееся, утверждают, что лично сам Сталин был рьяным антисемитом, что служило одной из причин, обусловивших проведение им линии государственного антисемитизма. Однако многие авторитетные историки это опровергают. Я не стану ссылаться на многих, приведу лишь одно. В 1931 году Сталин, отвечая на вопросы корреспондента американского Еврейского телеграфного агентства, сказал: "Национальный и расовый шовинизм есть пережиток человеконенавистнических нравов, свойственных периоду каннибализма. Антисемитизм, как крайняя форма расового шовинизма, является наиболее опасным пережитком каннибализма.

Антисемитизм выгоден эксплуататорам, как громоотвод, выводящий капитализм из-под удара трудящихся. Антисемитизм опасен для трудящихся, как ложная тропинка, сбивающая их с правильного пути и приводящая их в джунгли. Поэтому коммунисты, как последовательные интернационалисты, не могут не быть непримиримыми и заклятыми врагами антисемитизма.

В СССР строжайше преследуется законом антисемитизм как явление глубоко враждебное Советскому строю. Активные антисемиты караются по законам СССР смертной казнью".

Это заявление не было тогда опубликовано в советской печати, хотя почему-то было опубликовано в «Правде» 5 лет спустя, в 1936 году¹¹³.

Полагаю, что интересно на этот счет мнение и Л. Кагановича, еврея по национальности. Могут возразить, что приводить в качестве аргумента точку зрения ярого поборника сталинизма и чуть ли не марионетку в руках Сталина несерьезно и неубедительно. Но примем во внимание: Л. Каганович (вернее, его родственник – брат) сам в каком-то смысле являлся объектом сталинских репрессий, и, во-вторых, через 40 лет после смерти вождя у него не имелось никаких оснований бояться сталинской мести. Думается, что он говорил вполне искренне. На вопрос Ф. Чуева, был ли Stalin антисемитом, Л. Каганович дал следующий ответ:

"О Сталине я вам скажу следующее. Есть высказывания Сталина по этому вопросу – о том, что антисемитизм у нас уголовно наказуем. Stalin не был антисемитом. Но жизнь так сложилась, что его противники были евреи. Зиновьев, Каменев, Троцкий... Что ему оставалось делать, если почти все его враги – евреи?

Затем, он был политически и национально очень щепетилен и осторожен по характеру"¹¹⁴.

И, наконец, такой аргумент. Ю. Жданов, касаясь этой проблемы, справедливо писал: "Присуждение Сталинских премий всегда проходило при решающем участии Сталина. Кто же получил среди других эти премии? Писатель Илья Эренбург (1942, 1948 гг., Международная Ленинская премия 1952 г.), композитор Исаак Дунаевский (1941, 1951 гг.), режиссеры Сергей Эйзенштейн (1941, 1946 гг.), Лев Трауберг (1941 г.), пианист Эмиль Гилельс (1946 г.), певец Марк Рейзен (1941 г.), актер Марк Прудкин (1946, 1947, 1949 гг.), актриса Фаина Раневская (1949, 1951 гг.), дирижер Самуил Самосуд (1941, 1947, 1952 гг.). Лауреатами и трижды Героями стали физики, академики Зельдович и Харитон. Так что сплошной антисемитизм"¹¹⁵.

¹¹³ И. Stalin. Соч. Т. 13. С. 28.

¹¹⁴ Феликс Чуев. Так говорил Каганович. С.128.

¹¹⁵ Ю.А. Жданов. Взгляд в прошлое. С. 195.

Приведенные выше факты говорят сами за себя. Лично мне кажется, что все эти факты трудно укладываться в прокрустово ложе понятия государственного антисемитизма. Если же брать советское общество сталинской эпохи в целом, то легко убедиться в том, что лица еврейской национальности играли большую роль во всех областях культуры и науки. Причем в пропорциональном к численности евреев в стране соотношении их удельный вес во многих сферах жизни был многократно выше, чем у лиц другой национальности. И это тоже неопровергимый факт, который может быть подтвержден беспристрастными статистическими данными. Тот же Г. Костырченко приводит такой факт. Число лиц еврейской национальности в % окончивших физический факультет МГУ, по отношению к русским, составляло: в 1938 г. – 46, в 1939 – 50, в 1940 – 58, в 1941 – 74, в 1942 году – 98%.¹¹⁶ Данный пример едва ли нужно комментировать. Так что тезис о государственном антисемитизме при Сталине звучит, по меньшей мере, неубедительно (несмотря даже на все примеры, которые приводят апологеты данного тезиса).

Общая оценка политики в этой сфере должна строиться на учете всей совокупности фактов. Это, во-первых. И, во-вторых, она должна обязательно учитывать характер и особенности самой той эпохи, реальности как внутреннего, так и международного положения. Абстракции и произвольные обобщения здесь только могут помешать постичь суть всего происходившего в то суровое время. Это относится ко всем важным аспектам жизни периода властования Сталина. Но особенно тщательно необходимо учитывать все эти факторы при рассмотрении так называемых щепетильных вопросов, к которым прежде всего относится и проблема антисемитизма. Причем не только применительно к сталинским временам, но и к современности.

¹¹⁶ Г. Костырченко. В пленау красного фараона. С. 286.